

Г. С. БИТЮКОВ

Жизнь и
путешествия
Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Г. С. БИТЮКОВ,
действительный член Географического общества СССР

ЖИЗНЬ И ПУТЕШЕСТВИЯ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Фрунзе — 1963

Кому из вас, дорогие читатели, не приходилось держать в руках глобус — эту миниатюрную модель нашей планеты. Было ли это в детстве или в зрелом возрасте вы все равно с одинаковым любопытством рассматриваете нанесенные на его поверхность моря и океаны, острова и огромные материки. Вы, как бы, за очень короткое время пробегаете весь земной шар, словно космонавты, отчетливо видите границы Америки, Азии, Африки, Австралии, Антарктиды. А ведь было время, когда человек не только не мог видеть эти части света, но не знал даже о них. Сотни лет потребовалось человечеству, чтобы создать карту земли. Титанический труд и тысячи человеческих жизней были отданы этому делу. Но это было только начало познания земли: С ростом науки и культуры люди все более и более нуждались в подробном изучении материков, их живой природы и рельефа. И смелые люди пошли в разных направлениях в поисках знаний о земле. Некоторые приносили крупицы сведений о том или другом материке, а многие погибали как безвестные герои. Вспомните сколько погибло отважных путешественников в конце XVIII и начале XIX вв. в Африке. Но ничто не останавливало смельчаков. Шаг за шагом раскрывались тайны земли. Первоначально исследовались более доступные территории, а когда наука накопила больше опыта, человек проник в жаркие тропики и Азиатские горные дебри.

Дольше всех оставалась неизученной Центральная Азия. Слишком сурова и неприступна эта страна. Здесь расположено величайшее в мире Тибетское нагорье, опоясанное хребтами Гималаев и Куэнь-Луня, Нань-Шаня и Тянь-Шаня. Эти высочайшие горные системы изолировали Центральную Азию от прямого влияния морей и океанов. Поэтому там сухо, пустынно, рек мало, растительность бедная. Не случайно огромная территория Монголии, Китая, Тибета и Восточного Туркестана выделялась сплошными «белыми пятнами» среди территорий сравнительно хорошо изученных.

Но и сюда постепенно стали проникать отважные натуралисты, правда значительно позже, чем в другие территории. Так, до 1800 года в Центральной Азии побывало лишь несколько путешественников и только некоторые из них оставили описания своих походов. Это Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Марко Поло. Их описания насыщены фантастическими рассказами о природе и людях Центральной Азии, о невероятных трудностях передвижения по горам и пустыням, где водятся чудовища, пожирающие людей.

Интересные описания в области истории, этнографии и языка окраин Китая и Южного Тибета оставили иезуитские миссионеры, проникшие туда из Индии. Путешественник-иезуит португалец Антоний д'Андрад в 1624—1625 годах побывал в Тибете. Из Пекина в глубь Китая прошли в 1661—1662 гг. миссионеры д'Орвиль и Грюбер. Наконец, сами китайские ученые еще с давних времен начали изучать Центральную и Восточную Азию и они накопили большой научный материал об этих территориях. Но эти источники не доходили до европейцев. Путешествия русских людей в Китай и Монголию в начале XVII века ускорили доступ китайских исследований по географии Центральной Азии в Европу и этим самым было положено начало быстрого накопления знаний об этих территориях.

Русские проникли в Центральную Азию главным образом с севера. В 1616 году атаман Тарского города Василий Тюменцев проник в Монголию и посетил Алтын-Хана. Иван Петлин в 1618 году со своим спутником Андреем Мундовым из Томска прошел до Пекина и на следующий год вернулся на родину, принеся с собой

много интересных сведений о Китае. Его отчет вызвал большой интерес и был переведен на английский, французский и голландский языки.

В 1654—1655 годах русское посольство во главе с боярским сыном Федором Байковым через верховья Иртыша и Монгольские пустыни добралось до Пекина.

В последующие годы XVIII века в Монголии и Китае побывали Иван Перфильев, Сеиткуль Аблин, Николай Спафарий.

В XVIII веке число русских путешественников по Китаю становится больше. Однако их пути проходили в одних и тех же направлениях—по восточной Гоби. В дебри же Центральной Азии не осмеливались углубляться, и эта часть материка по-прежнему оставалась малоизученной. К тому же путешественники XVII и XVIII веков не были географами. Они сообщали сведения не точные, а подчас и совсем неверные. И только XIX век явился переломным в истории исследования Центральной Азии.

До великих походов Н. М. Пржевальского Монголия и Китай в XIX веке изучались русскими путешественниками Е. Ф. Тимковским, Е. Ковалевским, Иокинфом Бичуриным, Палладием Кафаровым, написавшим много трудов о Китае. Наконец в 1858—1859 годах Чокан Валиханов, казах по национальности, проник в Восточный Тянь-Шань и Кашгарию.

Восточные окраины Китая изучали также французы Гюк и Габе. Однако их отчеты грешат многими неточностями и ошибками.

В 1856 году братья Адольф и Роберт Шлагинтвейты посетили Тибет, пройдя туда из Индии. Видным исследователем Восточного Китая являлся также Фердинанд Рихтгофен. Но ни один из указанных путешественников не проник в сердце центральной Азии. Это досталось на долю великого русского путешественника Н. М. Пржевальского. Громадное пространство в 6 миллионов квадратных километров охватил он своими походами. Во многих направлениях пересек Центральную Азию и положил на карту 20 тысяч километров пути!

В сентябре 1963 года киргизский народ торжественно отмечает столетие добровольного вхождения Киргизии в состав России. И имя Н. М. Пржевальского, закончившего свой жизненный путь в Киргизии, на берегах Иссык-

Куля, всегда будет светочем разума и прогресса, олицетворением дружбы киргизского и русского народов.

Мы представляем читателю возможность кратко познакомиться с жизнью и путешествиями этого богатыря земли нашей, обогатившего своими трудами географическую науку.

Имя Пржевальского будет отныне синонимом бесстрашия и энергии в борьбе с природой.

К. С. Веселовский

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Чем далее бежит время, тем величественнее встает перед нами образ замечательного русского путешественника Н. М. Пржевальского, отдавшего всю свою жизнь Родине и науке. Человек кристально чистой души, он всегда будет образцом для нас, взрослых и подрастающего поколения.

Родоначальником поколения Пржевальских был запорожский казак Карнила Анисимович Паровальский, ротмистр войск казацких, живший в первой половине XVI века. Принимая участие в сражениях под Полоцком и Великими Луками, Карнила проявил мужество и храбрость, за что Стефан Баторий в 1581 году пожаловал ему дворянское звание. С того времени и была переделана фамилия Паровальского на Пржевальского. В польском языке «пржез» означает «через»; а «валить» — «воевать». Отсюда — смысл этой фамилии заключался в том, что К. А. Пржевальский стал дворянином в связи с военными событиями.

С 1581 года все поколение Пржевальских стало носить не только эту фамилию, но и дворянское достоинство.

Дед Николая Михайловича — Казимир Фомич Пржевальский воспитывался в иезуитской школе в Полоцке, незадолго до окончания курса бежал из школы и принял православное вероисповедание, переименовав свое имя Казимир на Кузьму.

Кузьма Фомич Пржевальский имел двух дочерей и сына, которому дали имя Михаил. Отец хотел видеть единственного своего сына военным и приложил немало стараний, чтобы устроить юношу в юнкерское училище. В 1817 году Михаил Пржевальский был зачислен юнкером в 4-й карабинерский полк. В 1834 году ему присвоено звание поручика с назначением в Невский морской полк. На этом военная карьера Михаила Кузьмича обрывается. Тяжелая болезнь легких, воспаление глаз заставляют его в 1835 году покинуть военную службу и переехать в дом уже престарелого отца, который в то время был управляющим имением помещика Палибина (Ельнинский уезд на Смоленщине).

Недалеко от Палибинского имения было расположено село Кимборово — собственность богатого дворянина А. С. Каретникова, который часто приглашал своих соседей на обеды. В его доме можно было видеть и отставного поручика Михаила Кузьмича Пржевальского.

Навещая дом А. С. Каретникова, Михаил Кузьмич привык к его семье. С чувством особого уважения он относился к младшей дочери Елене. Увлечение было взаимным. Родители Елены Алексеевны вначале возражали против брака дочери с Михаилом Кузьмичем, но в конце концов согласились, и брак состоялся в 1838 году.

Первоначально молодые поселились в Кимборове, где 12 апреля* 1839 года они отметили рождение первого сына — Николая, будущего путешественника, а в 1840 году родился у них второй сын — Владимир.

Каретникову не нравилось пребывание в его доме зятя, и он решил отделаться от молодой четы, у которой так быстро росла семья. В 1840 году он выделил дочери старенький домишко, расположенный в лесу, в полутора километрах от Кимборова. Елена Алексеевна не испугалась удручающей обстановки и начала деятельно развивать полученное от отца маленькое хозяйство. Вскоре по завещанию умершей сестры она получает большую сумму денег, на которые была построена усадьба, названная Отрадное. В 1843 году Пржевальские справили новоселье. Здесь начались годы детства Николая Михайловича.

* Все приведенные ниже даты исчислены в новом стиле.

Недолго Михаилу Кузьмичу пришлось жить в новой усадьбе. Состояние здоровья резко ухудшилось, и в октябре 1846 года он скончался, оставив на попечение жены трех сыновей. Николаю Михайловичу тогда было всего семь лет.

Николай Михайлович был ребенком подвижным, шаловливым и в то же время пытливым и любознательным. Живописная природа, окружавшая Отрадное, еще в детстве возбудила в сердце мальчика горячую любовь к ней. Он целыми днями бродил с игрушечным ружьем по лесу, совершая путешествия вокруг озера, удил рыбу. Природа для него являлась лучшим другом и утешителем.

— В своем биографическом рассказе Н. М. Пржевальский вспоминал: «Рос я в деревне дикарем, воспитание было самое спартанское, я мог выходить из дому во всякую погоду и рано пристрастился к охоте. Сначала стрелял я из игрушечного ружья желудями, потом из лука, а лет двенадцати я получил настоящее ружье».

Постоянное общение с природой и свобода действий выработали в Пржевальском человека, здорового душой и телом. С самого детства он рос нравственно чистым, наблюдательным мальчиком, неутомимым и энергичным тружеником. Он настолько увлекался охотой, что, заметив добычу, даже в раннюю весну раздевался донага, переходил через ручьи и в течение длительного времени продолжал поиски. Такая страсть к охоте однажды чуть не стоила ему жизни.

Единственным сверстником юного Пржевальского в Отрадном являлся дворовый мальчик Васька. Это был шалун, который подобно Пржевальскому, ничего не боялся и не признавал никаких преград на пути к достижению поставленной цели. Они всегда играли вдвоем, лазили по деревьям, придумывали разные шалости, за что обоим часто попадало от родителей.

Учить Николая Михайловича начали рано. Когда он шел за первый урок, ему исполнилось всего 5 лет. Первым учителем будущего путешественника был дядя, Павел Алексеевич Каретников, обучавший братьев Пржевальских грамоте и французскому языку в течение двух лет.

7 ноября 1849 года Николай Михайлович отлично выдержал экзамен и был принят во второй класс Смоленской гимназии.

Благодаря блестящим способностям, исключительной памяти, трудолюбию, которое воспитали в нем родители, Н. М. Пржевальский стал одним из лучших учеников гимназии. Подготовка к урокам для него не представляла особых трудностей. Прочитав внимательно текст книги, изучив формулы и чертежи, он помнил их годами. Пржевальский учился отлично, был честным и справедливым, за что его любили все гимназисты.

Однажды произошел такой случай на последнем курсе гимназии. Ученики решили уничтожить журнал, в котором было много плохих оценок, поставленных одним из учителей. Жребий пал на Пржевальского. Тот, не задумываясь, взял журнал и выбросил в Днепр. На другой день об этом узнала администрация гимназии. Начались допросы, чтобы выявить виновника, но все молчали, как в рот воды набрали. Тогда весь класс посадили в карцер. Просидев несколько дней в карцере, Пржевальский пришел к выводу, что не стоит скрывать своей вины, из-за которой приходится страдать всем. Он чистосердечно признался, но это не смягчило наказания — Пржевальский был исключен из гимназии.

Когда об этом узнала мать, она сразу же приехала в Смоленск, чтобы уговорить администрацию оставить сына в гимназии. Вместо исключения она предложила высечь сына. И хотя юношей шестнадцати лет сечь уже не полагалось, мать настояла на своем. На следующий день в присутствии всех гимназистов Пржевальского высекли. Случай этот навсегда остался в памяти Пржевальского и его товарищей.

Воспитательная работа в гимназии была поставлена плохо, и порой гимназисты не знали, как распорядиться свободным временем. Росли они шумными и драчливыми. Не отличался от других и Н. М. Пржевальский. «Вообще,— писал он в своей автобиографии,— розг не мало мне доставалось в ранней юности, потому что я был препорядочный сорванец, так что бывавшие в гостях деревенские соседи, обыкновенно, советовали моей матери отправить меня, со временем, на Кавказ, на службу».

В 1855 году Н. М. Пржевальский окончил гимназию с отличием. Это как раз совпало с разгаром Крымской войны, о которой много читал юноша. Подвиги защитников Севастополя возбудили в нем страстное желание

стать воином и уйти на фронт. Пылкое воображение не давало юноше осмыслить суровую действительность армейской службы. И вот в сентябре 1855 года Пржевальский получил назначение на должность унтер-офицера в сводно-запасной Рязанский пехотный полк 18-й сводной дивизии, а через несколько дней выступил в поход. Пеший переход Рязань — Калуга — Белёв показал, что представляет собой солдатская жизнь.

Уже через год службы в армии Пржевальский окончательно разочаровался в выборе жизненного пути, и на это были все основания. Вот что он говорил сам по этому поводу, вспоминая период пребывания в Белёве. «Ежедневно от 10 часов утра до часу пополудни юнкера должны были собираться в манеж на строевые занятия. Под именем манежа был известен длинный погреб, выкопанный в земле и настолько темный, что в 20 шагах едва можно было различить человека. Сюда сходились юнкера в самых разнообразных костюмах: кто без сапог, кто в изодранном халате, а кто в сюртуке без рукавов. Это был, можно сказать, сброд порочных людей, картежников и пьяниц, занимавшихся кражею вещей и пропиванием их в кабаке».

«Всех нас человек 60,— писал Николай Михайлович матери,—но большая часть из них негодяи, пьяницы, картежники. Видя себя между такими сотоварищами, невольно вспоминаешь слова, что я буду алмаз, но в куче навоза».

Служба в полку велась очень плохо, никто ничего не делал. На юнкеров не обращали внимания, но с солдатами обращались жестоко. Офицеры вели разгульную жизнь, проводили время в картежной игре и пьянстве. Пржевальского хотели вовлечь в это общество, но он не поддался влиянию развращенных. Однажды один из ротных командиров заставлял его пить, но получил отказ. Тогда командир сказал:

— Из тебя, брат, прок будет.

— Он не наш, а только среди нас,— ответили другие.

Н. М. Пржевальский с горечью вспоминал: «Я невольно задавал себе вопрос: где же нравственное совершенство человека, где бескорыстие и благородство его поступков, где те высокие идеалы, перед которыми я привык благоговеть с детства? И не мог дать себе удовлетвори-

гельного ответа на эти вопросы, и каждый месяц, можно сказать, каждый день дальнейшей жизни убеждал меня в противном, а пять лет, проведенные на службе, совершенно переменяли прежние мои взгляды на жизнь и человека».

Когда Пржевальскому становилось тяжело на душе, он уходил в лес и горько переживал наедине. В период военной службы он был так молод, что не походил на воина.

— За что это тебя, — спрашивали часто крестьяне, — такого молодого в солдаты отдали?...

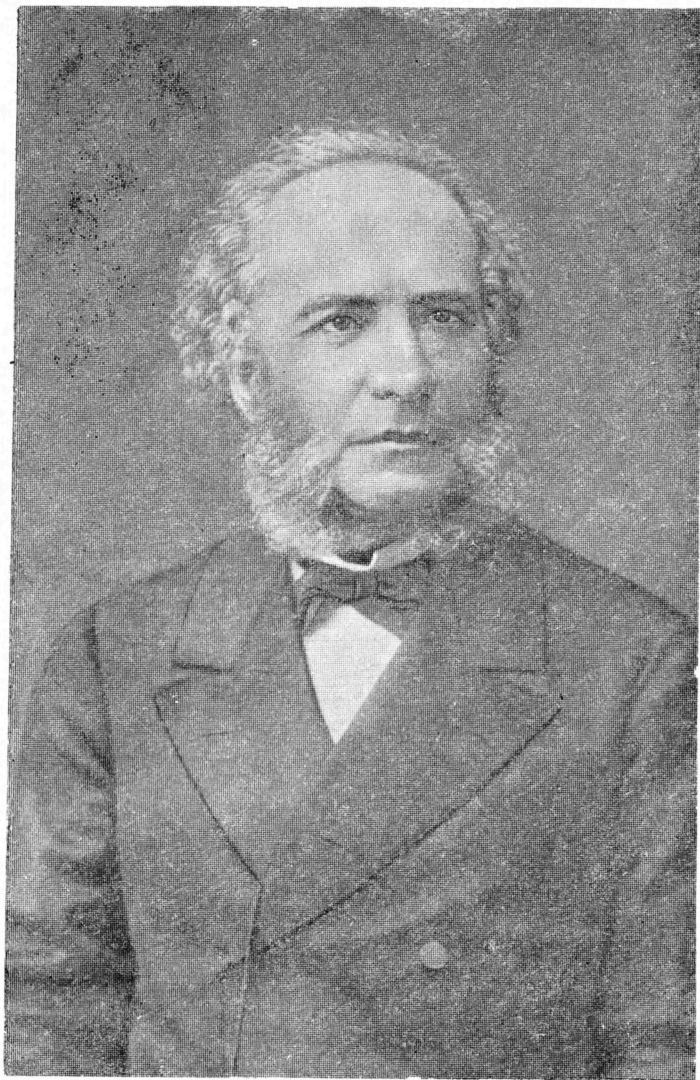
Николай Михайлович, перенесясь мысленно к родному Отрадному, просил мать взять его на праздники домой, чтоб хотя бы на несколько дней забыть суровую и скучную обстановку военной жизни.

24 ноября 1856 года Николая Михайловича производят в прапорщики с назначением в Полоцкий пехотный полк. Его переводят в город Белый, родной Смоленской губернии. Но и там армейская жизнь была не лучше.

Наконец Николай Михайлович стал подумывать о том, как бы выйти из того безотрадного положения, в котором он находился, и заняться более полезным делом для отечества.

«Прослужив пять лет в армии, — писал он, — протаскавшись в караулы и по всевозможным гауптвахтам, и на стрельбу со взводом, я, наконец, ясно осознал необходимость изменить подобный образ жизни и избрать более обширное поприще деятельности, где бы можно было тратить труд и время для разумной цели. Однако эти пять лет не пропали для меня даром. Не говоря уже о том, что они изменили мой возраст с 17 на 22 года и что в продолжение этого периода в моих понятиях и взглядах на жизнь произошла огромная перемена, — я хорошо понял и изучил то общество, в котором находился».

Первоначально Н. М. Пржевальский обратился с заявлением к начальству перевести его на Амур, но вместо ответа был посажен на трое суток. Тогда Николай Михайлович решил действовать по другому — поступить в академию генерального штаба. Он стал усиленно готовиться к экзамену, просиживая за книгами по 16 часов в сутки. Желание его исполнилось. Осенью 1861 года он блестяще выдержал конкурс и был зачислен в академию.

П. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ — первый исследователь
Иссык-Куля и Тянь-Шаня. Он более сорока лет был главой
Русского географического общества, воспитал целую плеяду
замечательных путешественников, в числе которых был и
Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ.

Способности Николая Михайловича Пржевальского и трудолюбие и здесь выдвинули его на первое место среди слушателей. В мае 1863 года он успешно окончил академию на год раньше положенного срока.

По ходатайству друзей по академии Н. М. Пржевальского переводят в 1864 году в Варшавское юнкерское училище, где был назначен преподавателем истории и географии. Здесь он показал себя блестящим педагогом. Ученики его вспоминали, что уроки Н. М. Пржевальский давал великолепно, с увлечением рассказывал не только о родной стране, но и о далеких странах Азии и Африки, был душой учащихся и вскоре стал всеобщим любимцем.

Всеобщая любовь и уважение к преподавателю Пржевальскому была заслужена не потачками и снисходительным отношением с его стороны к юнкерам, а высокой требовательностью и справедливостью. Один из учеников Пржевальского вспоминал: «Система поблажки любимчикам находилась у него в полном отсутствии. Он был вполне беспристрастен и зачастую ставил единицу и нуль самым любимым юнкерам».

«Часто посещавшему его и довольно близко к нему стоявшему юнкеру К. пришлось остаться на второй год за то, что не выдержал экзамена именно по истории и географии. Сам Пржевальский настоял на этом. Ни слезы матери, ни уверения К., что он будет учиться, ни просьбы за него товарищей и начальников не могли поколебать справедливого решения Пржевальского.

На все докучливые моления он отвечал сам: не буду ли я вам, юноши, смешон и жалок после такой уступки? Где же справедливость? Переправив К. двойку на тройку. во имя той же справедливости необходимо сделать это и для А., для Р. и других. Вспомните прекрасные слова: я знаю один народ — человечество, один закон,—справедливость».

Николай Михайлович часто приглашал к себе домой юнкеров и угощал гостей сытными блюдами и сладостями. Водки не пил и пьянство ненавидел, но был большой любитель сладких шипучих вод. После угощения юнкера читали книги из библиотеки Пржевальского и засиживались иногда по 6 — 7 часов.

Кроме юнкеров, с которыми он был в большой дружбе, к Пржевальскому приходили его товарищи, офицеры ге-

нерального штаба и юнкерского училища, студенты университета и другие. В таких случаях засиживались иногда до поздней ночи, коротая время в разговорах, предметом которых были естественные науки или история.

Будучи в Варшавском училище, Н. М. Пржевальский усиленно работал над собой, много читал литературы по зоологии, ботанике, горному делу, часто посещал зоологический музей, беседовал с профессорами университета, закалял свой организм на охоте в окрестностях Варшавы.

В период работы в юнкерском училище Пржевальский написал учебник по физической географии для военных школ, получивший хорошие отзывы специалистов. До этого он написал две большие статьи: «Воспоминание охотника», напечатанную в журнале «Охота и коневодство», и «Военно-статистическое обозрение Приамурского края». За эти труды 17 февраля 1864 года Николай Михайлович был избран действительным членом Русского Географического общества.

Погруженный в занятия, Н. М. Пржевальский редко ходил в гости, да и по характеру своему не любил балов, вечеринок и пр. Вообще это была замечательно цельная натура. Человек дела — он ненавидел суету и толчею; человек непосредственный и искренний — он питал какую-то органическую ненависть ко всему, что отзывалось условностью, искусственностью и фальшью.

Мысль о путешествии никогда не покидала Пржевальского. Но как осуществить ее? Недостаток средств, неизвестность, отсутствие связей — все это становилось непреодолимой стеной на пути к осуществлению заветных стремлений. И вот почти совсем неожиданно по рекомендации помощника начальника штаба Варшавского военного округа генерал-майора Чернецкого и П. П. Семёнова, Н. М. Пржевальского зачислили офицером в генеральный штаб с переводом на службу в восточную Сибирь. Николай Михайлович был в восторге. Ему представилась прекрасная возможность для научной деятельности в малоисследованной Сибири. Теперь прощай учительская кафедра, пора готовить страннический посох и, может быть, на долгие годы...

Н. М. Пржевальский соединил в себе счастливо все те качества, которые сделали из него такого путешественника, который бесспорно занял место наряду с величайшими путешественниками всех времен и народов.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

ПРОБА СИЛ. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

1867—1869 гг.

Долгожданный час настал. Мечта о путешествиях превращалась в действительность. В половине января 1867 года Н. М. Пржевальский выехал из Варшавы в Петербург, чтобы получить соответствующие инструкции в Географическом обществе и генеральном штабе. Здесь он встретил сочувственное отношение со стороны председателя отделения физической географии П. П. Семенова, который набросал ему программу путешествия и написал рекомендательные письма западносибирскому губернатору генералу Корсакову и начальнику штаба сибирских войск генералу Кукелю, возглавлявшему Сибирское отделение географического общества. Последние тепло приняли молодого офицера Пржевальского и содействовали ему материально в снаряжении экспедиции в Уссурийский край. «Дорог и памятен для каждого человека тот день, в который осуществляются его заветные стремления, когда после долгих препятствий он видит, наконец, достижение цели, давно желанной», — писал Николай Михайлович на первой странице дневника.

В начале июня 1867 года, имея при себе двух спутников: шестнадцатилетнего препаратора Ягунова и казака Николаева, Н. М. Пржевальский покинул Иркутск и вышел в путь через Забайкалье в Приморский край — к главной цели своего путешествия.

Путь до Благовещенска занял около месяца. 2 июля

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ в 1869 году.

Н. М. Пржевальский познакомился с этим молодым русским городом, население которого в то время составляло всего 3500 человек.

«В городе нет ни гостиницы, ни даже постоялого двора,— писал Николай Михайлович,— так что проезжающий, не имеющий знакомых, поставлен в самое затруднительное положение, не зная, где остановиться и как продолжать путешествие».

Эти слова могут служить замечательной характеристикой Благовещенска в прошлом.

Из Благовещенска Николай Михайлович отправился пароходом по Амуру. Красота окружающей природы буквально захватывает путешественника. Да и как не восхищаться Буреинскими горами, через которые на протяжении 140 километров несет свои воды могучий красавец Амур.

Вдали чуть заметной полосой начинают синеть эти горы на горизонте необозримой равнины, которая тянется не прерываясь по левому берегу реки от самого Благовещенска. По мере приближения к горам, очертания самого хребта и его вершин делаются яснее и, наконец, у станции Пашковой, посещенной Пржевальским, вы вступаете в горы, сплошь покрытые лиственными лесами.

Сильнейшее впечатление пережил Николай Михайлович, когда он увидел прорыв Амура через главный кряж Малого Хингана. Это более семидесяти километров теснина, где Амур суживает свое русло до четырехсот метров и без всяких рукавов быстро и извилисто стремится между горами.

Высокой отвесной стеной подходят горы к самому берегу, и вот кажется, что пароход стремится прямо на скалу, как вдруг новый крутой поворот реки открывает иную чудную панораму, но не успеешь достаточно полюбоваться ее красотой, как опять являются еще лучшие картины и так быстро сменяют одна другую, что едва успеваешь удерживать их в своем воображении.

На всю жизнь остались в памяти Н. М. Пржевальского дни путешествия от Благовещенска до Хабаровска и он всегда с восторгом вспоминал их.

— Какая красота, какие пейзажи, какие тучные земли! — говорил он и добавлял, — придет время, и люди

сделают этот край сокровищем России. Он не ошибся, это время пришло в годы Советской власти.

Но вот остались позади Буреинские горы. Пароход быстро катил вниз по широкому Амуру. Через неделю экспедиция высадилась в небольшом селении Хабаровске (теперь город Хабаровск), расположенном у впадения полноводной Уссури в Амур.

Отсюда и начинается Уссурийский край, отошедший к России по Пекинскому договору 1860 года. Он заключает в себе бассейн правых притоков Уссури и ее верхнего течения. Эта обширная площадь лежит между 42°21' северной широты с юга и 48°28' северной широты от северной границы. Она находится под одной широтой с Северной Испанией, Южной Францией, Северной и Средней Италией и южной частью Советского Союза, но под влиянием различных физических условий имеет климат совершенно иного склада, чем вышеназванные европейские местности.

Растительный и животный мир Уссурийского края при своем громадном богатстве представляет в высшей степени оригинальную смесь форм, свойственных как далекому северу, так и далекому югу. Здесь же расположены лучшие земли всего Приморья.

После краткого отдыха Пржевальский вышел в путь к озеру Ханка. От Хабаровска до поселка Буссе вверх по Уссури путешественники добирались с помощью лодок. Этот изнурительный путь, равный почти 500 километрам, они одолели за 23 дня. На лодках плыли гребцы, а Пржевальский и его спутники большей частью шли по берегу и занимались сбором коллекций, охотились и топографировали местность. Движение лодок против быстрого течения реки было очень медленным. Часто шли проливные дожди, а когда устанавливалась хорошая погода и выглядывало солнце, путешественники подвергались нападению несчетного числа мошкеры. Работа экспедиции проходила в самых тяжелых условиях.

Чем дальше на юг уходила экспедиция от Хабаровска, тем богаче и разнообразней становился растительный покров и животный мир бассейна Уссури. Здесь поражает смешение форм лесных и кустарниковых пород, из которых одни свойственны Амуру, северо-восточной Азии, даже Камчатке и Северной Америке, а другие Японии и

Китаю. На пути встречаются попеременно заросли липы, разного клена, пробкового дерева, грецкого ореха, маакни амурской, черемухи, черешни, абрикосового дерева, диких яблонь, груш, аралии маньчжурской, пальмообразного диморфанта, ясеня, дуба, граба, осины, тополя, ильмы и вяза, ольхи, березы белой и черной, кедра, ели, даурской и японской лиственницы, пихты, сосны, тисса и под пологом этих дремучих лесов роскошно чувствуют себя барбарис, коломитка, виноград, иногда обвивающий своими лозами хвойные деревья, малина, шиповник, дикий жасмин, бузина, калина, сирень и многие другие.

Роскошней всего леса развиваются по горным скатам, защищенным от ветра, и в невысоких падах, орошаемых быстрыми ручьями. Здесь растительная жизнь является во всей силе и часто на небольшом пространстве теснятся самые разнообразные породы деревьев и кустарников, образующих густейшие заросли, переплетенные различными выющимися растениями.

В особенности роскошно развивается в таких местах виноград, который то стелется по земле и покрывает её сплошным ковром зелени, то обвивает, как лианы тропиков, кустарники и деревья и свешивается с них самыми нарядными гирляндами.

С чувством восхищения бродил Николай Михайлович по этим дремучим зарослям. Разве можно забыть впечатления, производимые подобным лесом. Этот лес так же дик и недоступен, как и сибирская тайга, но в тайге—однообразие растительности, топкая, тундристая почва, устланная мхами и лишайниками, здесь наоборот, на каждом шагу вы встречаете роскошь и разнообразие, даже не знаешь, на чем остановить свое внимание. То высится перед вами громадный ильм со своей широковетвистой вершиной, то стройный кедр, то дуб и липа с пустыми, дуплистыми от старости, стволами более двух метров в обхвате, то орех и пробка с красивыми перистыми листьями, то редкий пальмовидный диморфант.

Торжественное величие этих лесов не нарушается присутствием человека, он лишь дополняет картину дикой, девственной природы.

Исследуя бассейн реки Уссури, Николай Михайлович занимался изучением быта казаков, переселенных сюда

из Забайкалья. По свидетельству Пржевальского, положение последних было крайне тяжелым. Не приспособленные к местным климатическим условиям, многие казачьи семьи не могли выращивать пшеницу, рожь и другие культуры. Более того, часто посевы гибли от стихийных бедствий—непомерного выпадения дождей или наводнений. Царское правительство совершенно не обращало внимания на бедственное положение переселенцев. Среди населения свирепствовали тиф и другие эпидемические болезни.

Чувство безысходности, борьба со стихией, нуждой и болезнями изнуряли людей.

«Не увидите вы здесь,—писал Н. М. Пржевальский,— красивого великорусского мужика, с его окладистой бородой, или молодого краснощекого парня. Нет! Сами дети казаков, живой тип своих отцов, какие-то вялые, неигривые. Ни разу не слышал я на Уссуре русской песни, которая так часто звучит на берегах Волги...

Вообще все, что вы видите на Уссуре,—и казаков, и их быт,—все действует крайне неприятно, в особенности на свежего человека.

Везде встречаешь грязь, голод, нищету, так что невольно болеет сердце при виде всех явлений».

Н. М. Пржевальский с присущей ему прямоотой не побоялся написать гневные строки в адрес царского правительства в защиту обездоленного казачества. Это вызвало замешательство в среде сибирских чиновников, которые несли прямую ответственность за положение переселенцев. И они выступили с клеветнической статьей против Николая Михайловича, который якобы сообщил неверные сведения. Однако Н. М. Пржевальский убедительными доводами доказал свою правоту и по его настоянию на Уссуре была направлена государственная комиссия.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла счастье народам Дальнего Востока и сделала этот край обильным, развитым в экономическом и культурном отношении. Теперь во всех городах и селах Приморья звучат радостные и веселые песни советских людей—строителей коммунизма.

В 12 километрах от селения Буссе в Уссуре вливается извилистая река Сунгача, берущая свое начало из озера Ханка. Здесь Пржевальский плыл на пароходе. Путников

поражало огромное количество водоплавающей дичи. Утки и цапли вылетали чуть ли не из-под ног. Осторожные бакланы допускали к себе на 25—30 метров и уж тогда тяжело поднимались с воды, даже пугливые белые китайские журавли не покидали своих мест. С парохода путешественники видели диких коз, а однажды и огромного медведя. Царство животных и птиц в тех местах не знало истребительной силы человека.

После двухдневного плавания по Сунгаче пароход вошел в Ханка. Озеро мелководное и мутное, летом вода в нем сильно нагревается. Рыбы здесь так много, что ее захватывают колеса парохода.

Несмотря на это, рыбный промысел не был развит. Местные жители рыболовством занимались лишь изредка для своих нужд. Пропадало огромное количество ценнейшей осетровой икры. Н. М. Пржевальский с иронией замечает по этому поводу: «Между тем в Хабаровске и даже на озере Ханка, на противоположной стороне в порту Камень-Рыболов, привозная из Москвы в жестянках икра продается по два рубля за фунт».

Весь август 1868 года Н. М. Пржевальский провел на западном берегу Ханка. Посетил русские деревни: Турий рог, Троицкую и Астраханскую. Жители этих деревень полюбили новое место и были довольны своей жизнью.

Весь месяц Пржевальский занимался научными исследованиями. Богатство природы буквально чарует любознательного путешественника.

«По целым неделям сряду не знал я иного крова, кроме широкого полога неба, иной обстановки, кроме свежей зелени и цветов, иных звуков, кроме пения птиц, оживляющих собою луга, болота и леса. Это была чудная обаятельная жизнь, полная свободы и наслаждений!» — писал Н. М. Пржевальский о своих впечатлениях во время пребывания на берегах Ханка.

В середине сентября Пржевальский покинул берега Ханка и направился к побережью Японского моря.

Путь протяженностью более 575 километров пришлось ехать на исхудалых клячах, а в большинстве случаев тащиться пешком, довольствуясь тем, что клячи везут хоть поклажу. Дивная, плодородная степь, нетронута заботой человека, тянулась на сотни километров. Только теперь советский человек разбудил эту степь, и она за-

шумела золотым морем пшеницы, огласилась ревом моторов машин—тракторов, комбайнов, автомобилей. Дальневосточный край, которым так восхищался знаменитый путешественник, пробудился к великой жизни.

В конце сентября Пржевальский достиг Новгородской гавани, расположенной в заливе Посъета, и провел здесь около месяца. За это время он посетил корейский пограничный город Кыген-Пу, где был принят городским начальником. Интересна церемония приема иностранного гостя. Первоначально принесли ковер и постелили его на циновки. Это означало, что начальник согласился на свиданье. Потом из крепости послышалось пение и показались носилки, которые несли четыре человека. Впереди шло несколько полицейских, разгонявших народ, потом—четыре мальчика, исполнявшие должность прислужников. За ними ехал на плечах своих подданных сам начальник, восседающий в кресле, приделанном к носилкам и украшенном тигровыми шкурами. Начальник сидел неподвижно и важно. Все, кто сопровождал владыку, неистово кричали во все горло, исполняя какую-то песню. Прием состоялся в помещении наподобие театральной сцены, где были положены для гостя на полу тигровые шкуры. Тут же принесли угощение и шкатулку с печатью и тушью. Пока шла мирная беседа Пржевальского с начальником, солдаты, сопровождавшие Пржевальского, затеяли пляску. Один из солдат лихо сплясал вприсядку, чем вызвал бурный восторг не только толпы, но и начальника Юнь-Хаба, который попросил повторить этот номер перед ним. После начальник раскланялся с Пржевальским и с прежней церемонией направился в крепость.

В начале второй половины октября Н. М. Пржевальский приступил к исследованию Южно-Уссурийского края. Обогнув залив Амурский, он прибыл в конце октября в г. Владивосток, которому тогда не было ещё и десяти лет.

Вот как выглядел по сообщению Пржевальского новый русский город на Дальнем Востоке: «Владивосток вытянут на протяжении более версты по северному берегу бухты Золотой Рог, обширной, глубокой, со всех сторон обставленной горами и потому чрезвычайно удобной для стоянки судов.

Кроме солдатских казарм, офицерского флигеля, меха-

нического заведения, различных складов провианта и других запасов, в нем считается около пятидесяти казенных и частных домов, да десятка два китайских фанз. Число жителей, кроме китайцев, но вместе с войсками простирается до пятисот человек».

В 1960 году городу Владивостоку исполнилось сто лет. Теперь известно, что Владивосток превратился в крупнейший промышленный и культурный центр, перво-классный порт Советского Дальнего Востока. Н. М. Пржевальский довольно правильно определил выгодность географического расположения Владивостока и указал на быстрый рост его в будущем.

От Владивостока до реки Сучан экспедиция пересекла много речных долин, горных отрогов Сихотэ-Алиня, которые то подступали обрывистыми утесами к самому морю, то пологими склонами уходили от морской синевы. На самом берегу Японского моря нет леса, но зато среди густых кустарников и травы порой очень трудно пробираться.

За береговой полосой, далее внутрь страны, леса становятся гуще, величественнее и самый состав их делается чрезвычайно разнообразным, так что здесь встречаются все породы деревьев, свойственные Уссурийскому краю, и даже появляются некоторые новые, как, например, граб. Однако господствующее положение занимают лиственные леса.

В этих дремучих лесах водится множество различных зверей: диких коз, пятнистых оленей, изюбрей, медведей, кабанов, енотовидных собак, барсуков. Иногда здесь можно встретить тигра, барса, дикую кошку, гималайскую куницу и антилопу. В этих местах Н. М. Пржевальский собрал основную часть своей интересной коллекции животных и птиц, а также ботанический гербарий.

Долина реки Сучан буквально очаровала Николая Михайловича. Да и в самом деле нет более живописного и величественного места во всем Южно-Уссурийском крае, чем Сучанская долина. Замечательна она тем, что кроме обилия лесов там масса разных зверей и птиц, особенно фазанов.

В долине реки Сучан Пржевальский имел удовольствие впервые в жизни охотиться на тигра. Однажды утром

в начале декабря к нему явился один крестьянин из деревни Александровки, где он тогда жил, и объявил, что по всей деревне видны свежие следы тигра, который, вероятно, гулял здесь ночью. Наскоро одевшись, Пржевальский вышел во двор и, действительно, увидел возле самых своих окон знакомый круглый след: судя по отпечатку огромных лап, зверь был не маленький. По следам было видно, что тигр несколько раз обходил двор, где были привязаны лошади путешественника, и даже лежал под забором. Зарядив свой двухствольный штуцер, заткнув кинжал за пояс, взяв с собой солдата, вооруженного рогатиною в виде пики, Пржевальский пустился по следу. Оказывается тигр переходил от одного двора к другому и, наконец, поймав собаку, скрылся в густых зарослях тростника, росшего на берегу небольшого озера вблизи деревни. Идя по следу, охотники тоже вошли в этот тростник и осторожно продвигались вперед, так как здесь каждую минуту можно было опасаться, что лютый зверь бросится из засады. Пройдя таким образом шагов триста, они вдруг наткнулись на место, где тигр наслаждался своей добычей. Увидав окровавленную площадку снега, Пржевальский невольно остановился. Вот-вот мог броситься тигр на преследователей. Держа палец на спусковом крючке ружья, Николай Михайлович осторожно и тихо пробирался вперед вместе с солдатом. От волнения сердце билось часто и сильно. Наконец, вдруг на небольшом холме метров за сто пятьдесят впереди охотников что-то замелькало по кустам. Это был тот самый тигр. Пржевальский ускорил шаг, но было напрасно, зверь, видимо, не собирался нападать на охотников и крупной рысью скрылся из глаз в густых зарослях. Как было жалко упустить столь ценный экземпляр грозного стража Уссурийских лесов.

Идя долиной реки Тазуши вверх по ее течению Н. М. Пржевальский пересек хребет Сихотэ-Алинь и спустился в долину реки Лифудин—притока реки Ула-Хе, которая впадает в Уссури. От почтовой станции Бельцовка Н. М. Пржевальский до Хабаровска плыл паромом.

В результате внимательного изучения природы при-
морья Николай Михайлович точно подметил ее характер-
ные особенности.

Он писал: «Как-то странно непривычному взору видеть такое смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном, так и в животном мире. В особенности поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробкового дерева и грецкого ореха, растущих рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает зам медведя или соболя, но тут же рядом можно встретить тигра, не уступающего в величине и силе обитателям джунглей Бенгалии».

Около двух лет продолжалось путешествие Пржевальского по Уссурийскому краю. Перед ним была поставлена задача—собрать статистические данные, поэтому он полностью не мог отдаться научной работе. Несмотря на ограниченные условия и скудные средства, путешествие по своим результатам превзошло всякие ожидания. Пройдено более трех тысяч километров, значительная территория снята на карту. В Уссурийском крае Н. М. Пржевальский собрал около 300 видов травянистых растений, около 80 видов семян различных трав, открыл 36 видов животных и птиц, характерных для озера Ханка, приготовил 310 чучел, привез большую коллекцию насекомых. Весь период путешествия Пржевальский систематически занимался метеорологическими наблюдениями, собранные данные по этому вопросу представляют и сейчас большой интерес для науки. Кроме всего этого, Пржевальский собрал интересный этнографический материал, а также подробно изучил пути, ведущие в Маньчжурию и Корею.

Результаты своих наблюдений Н. М. Пржевальский изложил в замечательной книге «Путешествие в Уссурийском крае», написанной красочным языком, с ясными и глубокими мыслями. Не случайно она вызвала большой интерес у читателей и ученых. Первый труд путешественника был удостоен серебряной медали Русского Географического общества. Экзамен на путешественника Николай Михайлович Пржевальский сдал блестяще.

Для путешественника, в высоком значении этого слова, требуется сочетание многих физических и нравственных качеств, без чего крупный успех дела даже при самой лучшей внешней обстановке, мало будет обеспечен.

Н. М. Пржевальский.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1871 — 1873 гг.

Двухлетнее путешествие Н. М. Пржевальского по Уссурийскому краю, как мы уже говорили, являлось для него экзаменом. В дебрях приморья он научился обдумывать свои действия, рассчитывать каждый шаг, а главное—проявлять замечательное умение наблюдать природу, подмечать ее характерные особенности.

Эти качества, столь важные для путешественника, были сразу замечены учеными, когда Николай Михайлович читал в петербургских научных обществах свои лекции о путешествии по Дальнему Востоку.

Вскоре после обработки собранных коллекций и издания книги Н. М. Пржевальский обратился в совет Географического общества с просьбой добиться для него разрешения на путешествие по Центральной Азии.

Собственно Центральная Азия представляет собой огромную площадь, около семи миллионов квадратных километров. Она охватывает Тибет, Монголию, Джунгарию и бассейн озера Куку-Нор, изобилует дикими пустынями, степями, озерами, вечноснеговыми хребтами и гигантскими вершинами; тут же находятся истоки великих рек Китая: Желтой (Хуанхэ) и Голубой (Янцзы-Цзян), центр обитания и даже создания многих диких млекопитающих, например, верблюда, лошади и др. Словом, область во всех отношениях представляла глубокий интерес.

В то время только окраины ее были затронуты исследованиями русских и западноевропейских путешественников. Об огромной территории имелись лишь неполные, к тому же неверные и противоречивые сведения из китайских источников и сообщений миссионеров. Что касается климата, флоры и фауны этой области, то они оставались вовсе неизвестными.

Вот почему предложение Пржевальского о снаряжении экспедиции в Центральную Азию нашло поддержку как со стороны Русского Географического общества, так и со стороны Генерального штаба и Министерства иностранных дел.

Председатель отделения физической географии Русского Географического общества знаменитый ученый и путешественник Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский принял деятельное участие в выработке плана предстоящего путешествия Н. М. Пржевальского в Гань-Су, Ордос и Северный Тибет, куда не достигал еще ни один европейский путешественник.

Началась подготовка к снаряжению экспедиции. Пока шла переписка с различными министерствами об ассигновании средств на экспедицию, Н. М. Пржевальский подыскивал себе спутников. Это, пожалуй, было одним из самых тяжелых вопросов, так как для столь трудного путешествия нужно было подобрать таких людей, которые могли бы перенести все тяготы страннической жизни и были беспрельдно преданы интересам экспедиции. В таких трудных походах один малодушный человек мог погубить весь отряд. Наконец, нужные люди были найдены. В первом путешествии, кроме Н. М. Пржевальского, приняли участие молодой офицер Пыльцов и бурят-монгольский казак Д. Ирнчинов.

29 ноября 1870 года экспедиция, имея совершенно недостаточное количество снаряжения и средств, под предводительством Н. М. Пржевальского пересекла русскую границу в районе города Кяхты и углубилась в пустыню Гоби.

Неприветливо встретила безбрежная и суровая пустыня маленькую группу смельчаков, шедших добывать славу отечеству и науке. На протяжении многих километров путешественники не встретили ни дерева, ни кустарника,

ни даже травы. Тридцатиградусные морозы довершали печальный вид этих мест.

В записке Географическому обществу от 14 января 1871 года Н. М. Пржевальский писал: «Вообще Гоби своим однообразием производит на путешественника тяжелое, подавляющее впечатление. По целым неделям кряду перед его глазами являются одни и те же образы — то неоглядные равнины, отливающиеся желтым цветом высохшей травы, то черноватые изборозжденные скалы, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстрого дзерена. Мирно шагают тяжело навьюченные верблюды, идут десятки, сотни верст, но степь не изменяет своего характера, а остается, по-прежнему, угрюмой и неприветливой».

Почти на тысячу километров от Улан-Батора до города Калгана тянется такая однообразная и почти бесплодная степь. Лишь кое-где в более низких местах встречаются заросли блестящего чия да чахлои полыни и тонкого поташника. Не богат и животный мир Гоби. Из млекопитающих типичны пищуха и дзерены (вид антилопы). Первые колониями поселяются на холмах в норах, а вторые небольшими стадами обитают в тех местах, где больше корма.

Н. М. Пржевальский наблюдал даже и такие случаи, когда им навстречу выходили стада дзеренов до тысячи голов. Ограничен мир пернатых Гоби. В основном здесь встречаются: вороны, пустынные и монгольские жаворонки. Николай Михайлович рассказывал, что гобийские вороны невероятно нахальны, не боясь людей, набрасываются на верблюдов и острыми клювами делают раны на горбах. Был даже такой момент, когда вороны напали на вьючного верблюда, разорвали мешок и стали таскать сухари. Путешественники поняли, почему стаи вьются над последним верблюдом, и пустили в ход оружие.

Первый китайский город, который посетил Николай Михайлович, был Калган (от монгольского слова «ханга», то есть застава). Через него проходит Великая китайская стена. Отсюда до Пекина 224 километра. В то время в Калгане в основном жило купечество, занимавшееся торговлей и перевозкой чая в Улан-Батор и Кяхту. В городе жили несколько русских купцов, у которых ос-

тановились на пять дней путешественники. Затем экспедиция направилась в Пекин.

Путь от Калгана до Пекина оказался другим, более приятным. Здесь климат мягче, непрерывно снижается высота над уровнем моря. Если Калган стоит на высоте 853 метров, то Пекин имеет лишь 36,6 метра абсолютной высоты. Села располагаются ближе друг к другу, поля обработаны, встречается больше садов, множество различных зимующих птиц.

Вот и Пекин. Красота и привлекательность этой столицы своеобразна, своеобразны ее жилые дома, торговые палатки, храмы. Самой красивой частью города является богдыханский дворец и прилегающие к нему сооружения и парки. Николай Михайлович не располагал временем, чтобы изучать достопримечательности города—он лишь попутно ознакомился с ним. Главной задачей Н. М. Пржевальского в Пекине были хлопоты о паспортах для дальнейшего путешествия в Ордос и Тибет.

Перед отъездом из Пекина появился ряд препятствий: и недостаток средств, и трудность приобретения серебра, и отказ проводников-китайцев идти в страну ордосов, и другие. Однако Николай Михайлович достиг цели. 21 марта 1871 года экспедиция вышла из Пекина и взяла направление к озеру Далай-Нор. Здесь провела интересные наблюдения за весенним перелетом птиц, климатическими явлениями и рельефом местности, после чего взяла курс на запад, к изгибу реки Хуанхэ, то есть в Ордос.

Вся площадь, находящаяся в излучине Хуанхэ, представляет пустыню, где очень редко встречаются оазисы и трудно напиться свежей воды. Жара здесь стоит невыносимая. Но самым ужасным участком Ордосской пустыни являются пески Кузупчи. Эта местность сплошь покрыта рыхлыми холмами из желтого песка высотой 15—30 метров. Холмы эти под действием ветров постоянно движутся, изменяя свою форму.

«Неприятное, подавляющее впечатление производят эти оголенные желтые холмы,— писал Н. М. Пржевальский,— когда заберешься в их середину, откуда не видно ничего, кроме неба и песка, где нет ни растения, ни животного, за исключением лишь желто-серых ящериц, которые, бродя по рыхлой почве, изукрашили ее различными

узорами своих следов. Тяжело становится человеку в этом, в полном смысле, песчаном море, лишенном всякой жизни: не слышно здесь никаких звуков, ни даже трещания кузнечика — кругом тишина могильная... Недаром же местные монголы сложили несколько легенд про эти ужасные пески».

Несколько дней с великим трудом караван путешественников преодолевал это безжизненное песчаное море, изнемогая от пыли и палящих лучей солнца, направляясь на запад, почти к такому же безжизненному пространству Ала-Шаня.

«Раскаленная почва пустыни дышит жаром, как из печи,— писал Николай Михайлович.— Становится очень тяжело: голова болит и кружится, пот ручьем льет с лица и со всего тела, чувствуешь полное расслабление и сильную усталость. Животные страдают не менее нас. Верблюды идут, разинув рты, и облиты потом, словно водой; даже наш неутомимый Фауст бредет шагом, понутив голову и опустив хвост. Казаки, которые обыкновенно поют песни, теперь смолкли, и весь караван тащится молча, шаг за шагом, словно не решаясь передавать друг другу и без того тяжелые впечатления».

Между прочим, Пржевальский заметил, что среди монголов, живущих в Ордосе, крепко сохраняется память о Чингис-Хане и бытует о нем много легенд. Интересна народная легенда о встрече Чингис-Хана с русским, рассказанная одним гостеприимным монголом путешественнику.

Однажды Чингис-Хан, охотясь в горах Муни-Ула, встретился с русским охотником.

— Давно ли ты охотишься и много ли убил? — спросил Чингис-Хан русского.

— Охочусь я уже много лет, а убил только одного волка.

— Как так! — воскликнул завоеватель.— За это время я убил уже несколько сот зверей.

— Но мой волк был особенный,— отвечал русский.— Он ежедневно съедал по десяти других животных и, убив его, я сделал больше пользы, нежели ты.

— Если так, то ты молодец,— заключил Чингис-Хан.— Пойдем в мою юрту, я подарю тебе, что хочешь.

Идя в направлении к озеру Куку-Нор, в 1871 году,

Н. М. Пржевальский не достиг его берегов. Главным препятствием этому служило отсутствие материальных средств и паспортов на дальнейшее следование в этот район. В силу необходимости пришлось возвращаться снова в Пекин. Однако задача, поставленная перед экспедицией по исследованию Ордоса, выполнена блестяще. Для науки собраны замечательные коллекции по зоологии и ботанике, проведены метеорологические наблюдения, собран подлинный материал о быте населения Южной Монголии, основаны многие астрономические пункты и многое другое.

«Первый акт экспедиции был окончен,— писал Н. М. Пржевальский.— Результаты путешествия, копившиеся понемногу, теперь обрисовывались яснее. Мы могли с чистой совестью сказать, что выполнили свою первую задачу,— и этот успех еще более разжигал страстное желание пуститься вновь в глубь Азии к далеким берегам озера Куку-Нор».

Дальнейшая цель Николая Михайловича состояла в том, чтобы при любых обстоятельствах проникнуть к заветному Тибету, где еще не побывал ни один европейский исследователь. Это удалось осуществить в 1872—1873 гг. в невероятно тяжелых условиях. Достаточно сказать, что когда Н. М. Пржевальский покинул город Калган, уходя в Тибет, то в его распоряжении осталось денег всего лишь 87 лан, то есть 43 рубля 50 копеек.

Нищенские средства порой ставили экспедицию в безысходный тупик, как это случилось в Ала-Шане в городе Дынь-Юан-Ин. Только прозорливая находчивость Н. М. Пржевальского выводила экспедицию из труднейших положений.

Почти четыре месяца продолжался путь от Дынь-Юан-Иня до Куку-Нора. Вконец уставшие путешественники, одолев многочисленные хребты, добрались до заветной цели и вступили на берега величественного водоема, где не был ни один европеец.

«Мечта моей жизни исполнилась,— писал Николай Михайлович.— Заветная цель экспедиции была достигнута. То, о чем недавно еще только мечталось, теперь превратилось уже в осуществленный факт. Правда, такой успех был куплен ценой многих тяжких испытаний, но теперь все пережитые невзгоды были забыты, и в

полном восторге стояли мы с товарищами на берегу великого озера, любуясь на его чудные, темно-голубые волны...»

После четырнадцатидневного исследования озера и его окрестностей экспедиция направилась в грозный Тибет. Смелчаки-путешественники испытали по пути неисчислимые страдания. Суровые климатические условия, связанные с большой высотой местности, сказывались на каждом шагу. Приходилось целыми неделями пробираться через горные хребты, лишенные растительности. Но удивительно то, как отмечает Н. М. Пржевальский, что даже в каменистой и, казалось, в безжизненной пустыне путешественники поражались обилием диких животных. Здесь были стада диких яков, белогрудых арчалы, антилопы, оронго и ада, стаи волков и корсалов. В половине февраля 1873 года экспедиция достигла хребта Баян-Хара-Ула в Северном Тибете, подножье которого лежит на высоте 4544 метра над уровнем моря, и подошла к берегам реки Янцзы. Это был уже конечный пункт экспедиции. На дальнейшее продвижение в Тибет не осталось средств и не хватало сил. Люди и животные были крайне переутомлены. Поэтому принято решение о возвращении на родину из глубины Внутренней Азии. Следует заметить, что в течение двух лет от Пржевальского не поступало писем ни в Петербург, ни в русское посольство в Пекин. Все терялись в догадках: в чем дело, где находится экспедиция? И пришли к выводу, что экспедиция погибла при нападении тангутов. Одна из петербургских газет опубликовала некролог о гибели Пржевальского. Сообщение о гибели отважного путешественника напечатали также в Париже и Лондоне. Видные деятели Географического общества поставили вопрос перед правительством о снаряжении большой экспедиции для поисков Н. М. Пржевальского, но вскоре русский посол в Пекине Каяндер получил сообщение от китайского чиновника из Ала-Шаня о том, что русская экспедиция возвращается из Тибета. Сведения успокоительные, но мало надежные. Тревога нарастала. И она была устранена самим Н. М. Пржевальским.

Обратный путь шел через Куку-Нор, Гань-Су и знакомый Ала-Шань, а там снова Гоби и наконец Кяхта... родная земля!..

На последней странице дневника первого путешествия в городе Улан-Баторе Н. М. Пржевальский писал:

«Путешествие наше окончилось! Его успех превзошел даже те надежды, которые мы имели, переступая в первый раз границу Монголии. Тогда впереди нас лежало непредугадываемое будущее; теперь же, мысленно пробегая все пережитое прошлое, все невзгоды трудного странствования, мы невольно удивлялись тому счастью, которое везде сопутствовало нам. Будучи бедны материальными средствами, мы только рядом постоянных удач обеспечивали успех своего дела. Много раз оно висело на волоске, но счастливая судьба выручала нас и дала возможность совершить посильное исследование наименее известных и наиболее недоступных стран Внутренней Азии».

Никакие трудности, встречавшиеся на пути, не могли свернуть Н. М. Пржевальского с намеченной цели. Путешествие в Центральную Азию завершено благополучно и принесло путешественнику мировую известность. За три года им изучена огромная территория Гоби, Ордоса, пустыня Ала-Шань, озеро Куку-Нор, Северный Тибет.

Пройдя последний труднейший путь по безводной Гоби, экспедиция 17 сентября (по новому стилю) прибыла в город Ургу (ныне Улан-Батор), где встретила самый радужный прием.

— Не берусь описать,— говорит Николай Михайлович,— впечатления той минуты, когда мы впервые услышали родную речь, увидели родные лица и попали в европейскую обстановку. Нам, уже отвыкшим от европейской жизни, сначала все казалось странным, начиная от вилки и тарелки до мебели, зеркал и пр. Сумма новых впечатлений была так велика и так сильно действовала на нас, что мы в этот день очень мало ели и почти не спали целую ночь. Помывшись на другой день в бане, в которой не были почти два года, мы до того ослабели, что едва держались на ногах. Только дня через два мы начали приходить в себя, спокойно спать и есть с волчьим аппетитом.

Научные результаты экспедиции были неоценимы. Из 12 тысяч километров пройденного пути почти 6 тысяч километров Николай Михайлович снял глазомерной бус-

солью. На карту атласа были нанесены неизвестные до этого хребты, реки, пустыни, определены абсолютные высоты Тибетского нагорья, магнитное склонение, горизонтальное напряжение земного магнетизма, добыто 8200 экземпляров птиц, животных, растений, собраны интересные сведения этнографического характера.

Прибытие Н. М. Пржевальского в Петербург явилось настоящим торжеством. На торжественном заседании Географического общества Николай Михайлович был встречен бурей рукоплесканий. Похвалы, поздравления, награды сыпались со всех сторон. Военное Министерство присвоило отважному путешественнику звание подполковника, Русское Географическое общество награждает его Константиновской большой золотой медалью, Берлинское Географическое общество избрало членом-корреспондентом, Международный Географический конгресс в Париже прислал ему Почетную грамоту, Парижское Географическое общество — золотую медаль, французское Министерство народного просвещения — медаль «Пальма Академии».

Кажется, было от чего вскружиться голове. Но не таков был Н. М. Пржевальский. Ему чужды были порывы к славе и блеску. Он всегда оставался скромным, отдавая все свои силы и помыслы бескорыстному служению Родине и науке.

После торжеств и визитов Пржевальский покинул Петербург, прибыл в свое имение Отрадное и приступил к описанию своего путешествия. Почти два года он потратил на составление книги в двух томах под названием «Монголия и страна тангутов». Она вышла в свет в 1875 году и вызвала большой интерес среди читателей как в России, так и за рубежом. Этот труд был немедленно переведен на немецкий, французский и английский языки.

К БЕРЕГАМ ЗАГАДОЧНОГО ОЗЕРА ЛОБ-НОР

1876—1877 гг.

24 августа 1876 года Н. М. Пржевальский отправляется во второе путешествие в глубь азиатского материка. На этот раз он планировал подвергнуть тщательному исследованию озеро Лоб-Нор, бассейн реки Тарим, достигнуть Лхассы и истоков реки Брамапутры.

Намеченный район к исследованию до путешествий Н. М. Пржевальского был известен лишь по китайским источникам согласно карте Клапрота, который составил ее по китайским картографическим материалам, добытым еще во времена императора Киен-Лунга. Эти источники были совершенно нереальными, так как составлены синологами на основе неточных данных миссионеров, не изучавших и не знавших необходимые сведения.

По выражению А. Е. Тизенгаузена,— карту Восточного Туркестана того времени (до путешествия Пржевальского) по точности своей можно уподобить картам Европы, составленным древними географами Греции и Рима.

Пройдя ряд хребтов Восточного Тянь-Шаня, Н. М. Пржевальский вступил в бассейн реки Тарим — самой крупной реки всего Восточного Туркестана и исследовал ее течение на протяжении 750 километров, доказав, что река вполне пригодна для судоходства.

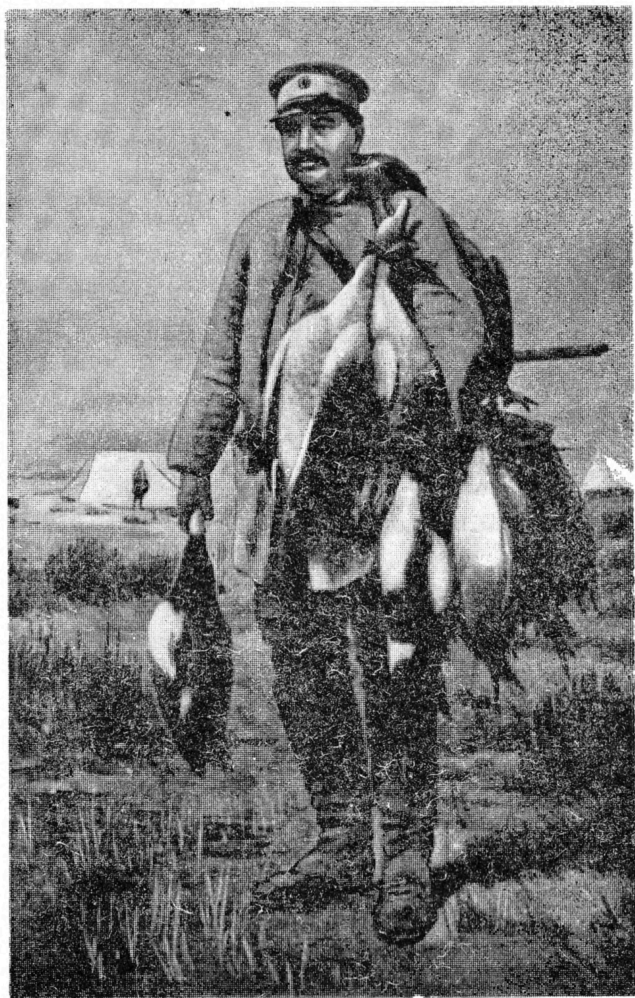
Идя вниз по течению Тарима, путешественник в августе 1877 года достиг озера Лоб-Нор и занялся его исследованием. Были определены главные астрономические пункты, произведен промер глубины, определены координаты расположения, измерена абсолютная высота чаши озера. По сообщению Н. М. Пржевальского, Лоб-Нор даже нельзя назвать озером в полном смысле этого слова,

а скорее можно назвать огромным болотом с непроходимыми камышовыми зарослями. Вода же в озере — это результат стока реки Тарима.

Неожиданное открытие Пржевальского о том, что Лоб-Нор — конечный пресноводный водоем Тарима, а не озеро, произвело среди всех современных географов сенсацию. Рихтгофен в своей речи на заседании Берлинского Географического общества в апреле 1878 года начал полемику с Пржевальским. На основании данных древних китайских источников Рихтгофен считал, что озеро, найденное Пржевальским в устье Тарима, не настоящий Лоб-Нор. Настоящий Лоб-Нор должен находиться севернее на 1° и в прямом направлении к востоку от южного поворота Тарима, близ впадения в него реки Уген-Дарьи. Свое мнение Рихтгофен мотивировал следующим: 1) Лоб-Нор озеро соленое, а открытое Пржевальским — пресное; 2) китайские карты показывают Лоб-Нор в другом месте и в другом природном окружении. Рихтгофен полагал, что существует особый рукав, уносящий воды Тарима к востоку, где и образуется настоящий Лоб-Нор.

Вскоре после такого заявления Н. М. Пржевальский опубликовал в Лондоне и Петербурге свой ответ Рихтгофену, убедительно доказав заблуждения маститого ученого. Этот ответ был переведен на все иностранные языки. Рихтгофен замолчал. Сомнения рассеялись.

Закончив исследования Лоб-Нора, Пржевальский направился на юг от этого водоема с целью достичь окраин северного Тибета и уточнить границы Тибетского нагорья. На пути в Тибет Николай Михайлович открыл огромный хребет Алтын-Таг («Золотая гора»). Это явилось также неожиданным. Об этом хребте до этого никто ничего не знал. В течение сорока дней в труднейших условиях Пржевальский производит исследование Алтын-Тага, пройдя по его расположению 500 километров: «На огромной абсолютной высоте, — писал он, — в глубокую зиму, среди крайне бесплодной местности мы терпели всего более от безводья и морозов, доходивших до — 16°. Топлива было весьма мало, а при неудачных охотах мы не могли добыть себе хорошего мяса и принуждены были несколько времени питаться зайцами. На местах останков рыхлая глинисто-соленая почва мигом размина-

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ после удачной охоты на Лоб-Норе
(клишированная).

лась в пыль, которая толстым слоем ложилась везде в юрте. Сами мы не умывались по неделе, были грязны до невозможности, наше платье было пропитано пылью насквозь, белье же от грязи приняло серовато-коричневый цвет».

Лишения, испытанные путешественником, не пропали даром, его исследования доставили много интересного для науки. Открытие Пржевальским Алтын-Тага всеми географами мира было признано поразительнейшим событием. Оно установило точно северную границу Тибетского плоскогорья. Тибет оказался на 300 км севернее, чем предполагалось раньше.

Здесь же, в Алтын-Таге, Пржевальский открыл дикого верблюда, который нигде в других местах Азии не встречался, а теперь, пожалуй, совсем его нет.

После исследования Алтын-Тага Пржевальский отправился обратно в Кульджу. На пути он заболел пустынной болезнью, которая сопровождалась нестерпимым зудом тела, заболели также В. Роборовский и Ф. Эклон.

В Кульдже Пржевальский не только лечился, но и готовил экспедицию к дальнейшему походу в Тибет, уже не по Туркестану, а обходя его с востока по Джумгарской пустыне через город Гучен, расположенный у подножья хребта Тянь-Шань, а далее через оазис Хами на юг в Цайдам.

В свободное время от лечения и забот по подготовке экспедиции Пржевальский писал отчет о пройденном пути на Лоб-Нор и Алтын-Таг. Результаты исследований его вполне удовлетворяли. В отчете мы встречаем такую запись:

«...Счастье вновь послужило мне удивительно. С большим вероятием можно сказать, что ни годом раньше, ни годом позже исследование Лоб-Нора не удалось бы. Ранее Якуб-бек, еще не боявшийся китайцев и не заискивавший вследствие того у русских едва ли согласился бы пустить нас далее Тянь-Шаня. Теперь же о подобном путешествии нечего и думать при тех смутах, которые после недавней смерти Бадуалета начали волновать весь Восточный Туркестан».

Несмотря на то, что болезнь еще не прекратилась, Пржевальский решил не терять времени на лечение и отдал приказ о начале перехода в Тибет, так как по сооб-

шениям из Петербурга англичане готовились вступить в Лхассу через территорию Индии. 28 августа 1877 года караван путешественников выступил из Кульджи, взяв направление к озеру Улунгур. «Еще раз, и быть может уже в последний раз, пускаюсь я в далекие пустыни Азии,— писал Николай Михайлович в полевом дневнике.— Идем в Тибет и вернемся на родину года через два. Сколько нужно будет перенести новых трудов и лишений! Еще два года жизни принесутся в жертву заветной цели. Зато и успех, если такового мне суждено достигнуть, займет, вместе с исследованием Куку-Нора и Лоб-Нора, не последнюю страницу в летописях географического исследования Внутренней Азии!»

Однако не суждено было и на этот раз пробиться в Тибет и в Лхассу ни англичанам, ни Пржевальскому. Николай Михайлович с великим трудом добрался до города Гучена, расположенного у северного подножья хребта Тянь-Шаня, а дальше идти не мог—болезнь окончательно одолела его. Все средства, рекомендованные китайским лекарем, не помогли. Силы истощались. Вдобавок ко всему Николаю Михайловичу сообщили о смерти любимой матери...

В Гучене Пржевальский получил уведомление военного министерства о том, что взаимоотношения между Россией и Китаем сильно расстроились и что для путешествия время явно не подходящее. Предлагалось отложить поход в Тибет до лучших времен.

«Взвесив все эти обстоятельства, я решил возвратиться в Зайсанский пост, вылечиться там в госпитале и тогда с новыми силами идти опять в Гучен и далее в Тибет. Тяжело было прийти мне к такому решению. Не один раз вчера я плакал при мысли о необходимости вернуться. Трудно было свыкнуться с подобным решением, но горькая необходимость принуждала к нему. Эклон грустил не менее меня. Хотя, конечно, очень тяжело и горько ворочаться, но совестью своею я спокоен: все, что возможно было сделать, я сделал, перенес целых два месяца, даже более, мучительной болезни и шел вперед, пока была еще малейшая надежда на выздоровление. Теперь эта надежда исчезла окончательно, и я покорюсь горькой необходимости. Таким образом, наши двухмесячные труды дорогою из Кульджи и полный лишений

Полковник Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ. Снимок сделан после
возвращения из второго Центрально-Азиатского путешествия
в 1877 году.

переход через Джунгарскую пустыню — все пропало даром. Вот истинное несчастье!»

Невзгоды, перенесенные Пржевальским за последние четыре месяца, сильно повлияли на его настроение, даже вызвали временный упадок духа. «Возвратясь из экспедиции,— писал он,— более не пойду в Азию. Пора и отдохнуть. Предстоящее путешествие в Тибет, вероятно, уже будет последним моим путешествием... Будем жить по-старому, тихо и спокойно. Не нужно мне никаких почестей и богатств — дайте мне только тихую жизнь в Отрадном. Там можно жить спокойно, а следить за наукой и событиями также нетрудно, выписывая газеты и журналы».

Но это была лишь временная тоска, мысли о продолжении исследования Азии не покидали великого путешественника. Уезжая из Центральной Азии, Н. М. Пржевальский писал: «Прощай же, моя счастливая жизнь, но прощай ненадолго! Пройдет год, уладятся недоразумения с Китаем, поправится мое здоровье и тогда я снова возьму страннический посох и снова направлюсь в азиатские пустыни»...

Хотя второе путешествие Н. М. Пржевальского по Центральной Азии было непродолжительным и незавершенным, но для науки оно принесло много ценного. К важнейшим достижениям лобнорской экспедиции можно отнести: открытие и описание озера Лоб-Нор, открытие громадной горной системы Алтын-Таг; сбор ценных зоологических материалов диких животных, среди них ценнейшими экспонатами являются шкуры диких верблюдов и дикой лошади, получившей название лошади Н. М. Пржевальского; маршрутные съемки бассейнов Тарима, озера Лоб-Нора и хребта Алтын-Тага, определение их координат; метеорологические наблюдения бассейна Тарима и Восточной части Кашгарии, замечательные этнографические наблюдения над лобнорцами (каракуртинцами) и таримцами.

После путешествия Н. М. Пржевальского в 1876—1877 гг. карта Восточного Туркестана коренным образом изменилась. Давно утвердившиеся в науке заблуждения в отношении бассейна реки Тарима и озера Лоб-Нор были опровергнуты убедительными доводами гениального путешественника. Даже такой крупнейший географ, как

глава Берлинского общества землеведения Рихтгофен, был вынужден признать огромное значение открытий, сделанных Н. М. Пржевальским в Восточном Туркестане.

Результаты своих наблюдений, сделанных во втором путешествии, Николай Михайлович изложил в книге «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор». Научные общества России и Европы тепло встретили выход в свет этого труда и отметили автора своими наградами. Петербургская Академия наук и ботанический сад в 1878 году избрали Пржевальского почетным членом, в том же году Берлинское Географическое общество наградило медалью имени Гумбольдта, а в 1879 году Лондонское Географическое общество — королевской медалью.

СНОВА В ТИБЕТ.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1879—1880 гг.

Позабыв все невзгоды и трудности, которые пришлось перенести и переживать в предыдущих двух путешествиях по Центральной Азии, Николаю Михайловичу хотелось вновь устремиться в малоизвестные суровые края Тибетского нагорья. И этот день настал. 2 февраля 1879 года в сопровождении Ф. Эклона и В. Роборовского Н. М. Пржевальский покинул Петербург.

Исходным пунктом третьего путешествия по Центральной Азии был избран пограничный пункт Зайсан, где хранилось экспедиционное оборудование после прекращения второго путешествия. Сюда экспедиция прибыла 9 марта. На окончательное приготовление к путешествию затрачено три недели. Особое внимание уделено запасам продовольствия, одежды и вооружения. На этот раз состав экспедиции состоял из 13 человек: двух офицеров, препаратора, переводчика и восьми казаков.

С восходом солнца 3 апреля караван вышел в путь. Началось путешествие...

«Итак, мне опять пришлось идти в глубь азиатских пустынь! Опять передо мною раскрывался совершенно иной мир, ни в чем не похожий на нашу Европу! Да, природа Центральной Азии действительно иная! Оригинальная и дикая, она почти везде является враждебной для цивилизационной жизни. Но кочевник свободно обитает в этих местах и не страшится пустыни; наоборот—она его кормилица и защитница».

Путь в Тибет Н. М. Пржевальский наметил мимо озера Улунгур, через город Булун-Тохой и вверх по реке Урунгу, а отсюда прямо в город Бар-Куль и Хами. Боль-

В. И. РОБОРОВСКИЙ.— спутник Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО по
трем экспедициям.

шая часть этого края между Тянь-Шанем и Алтаем совершенно не была исследована.

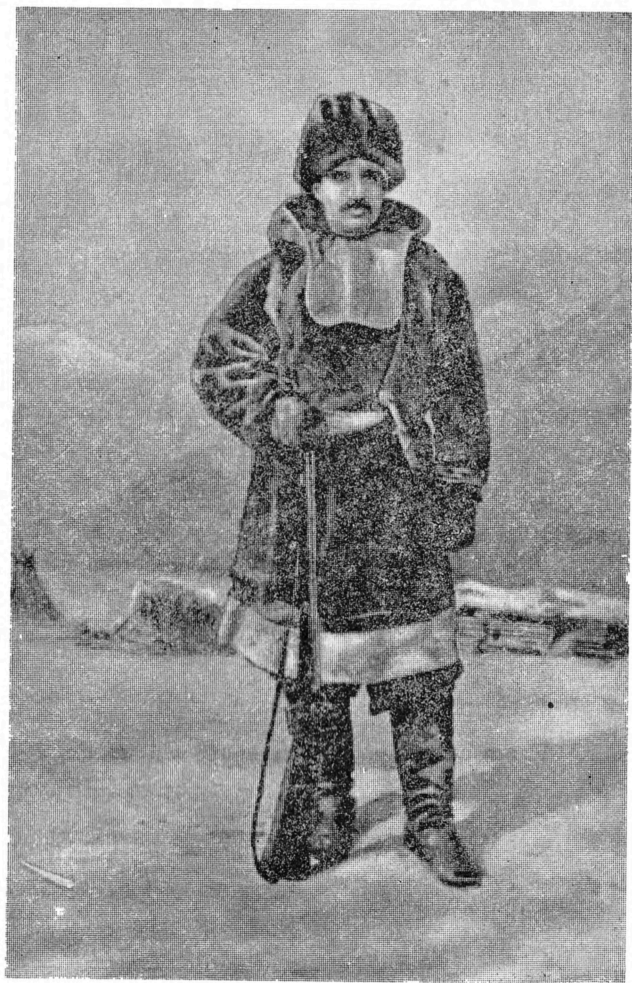
Пространство между Монгольским Алтаем и Восточным Тянь-Шанем имеет общее название — Джунгария. Пржевальский один из первых дал подробное описание природы этой пустынной страны.

«Бедна растительность пустыни,— писал Пржевальский,— еще беднее животный мир. Даже весною, пройдя здесь целый десяток верст, только кое-где встретишь маленькую ящерицу, окрашенную как раз под цвет почвы, или непоседливого чекана; иногда быстро пролетит со своим обычным криком небольшое стадо больдуруков, или плавно пронесется коршун, высматривающий добычу; мертво, тихо кругом днем и ночью. Только частые бури завывают на безграничных равнинах и еще более дополняют безотрадную картину здешних местностей...»

Обойдя восточную оконечность Тянь-Шаня, экспедиция Н. М. Пржевальского вступила в оазис Хами, являющийся редким контрастом пройденных пустынных мест Джунгарии. Здесь видны были с любовью обработанные поля с посевами пшеницы, ячменя, отличные плантации знаменитых хамийских арбузов и дынь. Город Хами в то время имел важное стратегическое и экономическое значение во всем западном Китае. Через него проходил главный торговый путь из юго-восточного Китая в Восточный Туркестан и обратно.

Еще за несколько дней до прихода экспедиции в Хами к Н. М. Пржевальскому прибыл доверенный офицер с приглашением от губернатора посетить высокого сановника, называвшегося Чин-Цаем.

Прием был радушным и теплым. Сам губернатор прибыл на бивуак экспедиции, который был разбит в полутора километрах от города, и пригласил Николая Михайловича, Ф. Эклона и В. Роборовского на обед в загородную дачу. На парадный обед были приглашены высшие местные офицеры и чиновники. Во время церемонии офицеры младших чинов прислуживали и подавали кушанья. Обед состоял из шестидесяти блюд в китайском вкусе. Среди них Николай Михайлович называет такие тонкости китайской кухни, как морская капуста, трепанги, гнезда ласточки саланганы, плавники акулы, креветы

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ в экспедиционной одежде, в которой он завещал похоронить его.

и т. д. Обед закончился игрой в хуа-цюань (чет-нечет), распространенной во всем Китае.

После пятидневного отдыха и подготовки каравана к дальнейшему походу экспедиция выступила из оазиса Хами через Хамийскую песчано-галечную пустыню на юг к городу Сачжоу, который расположен вблизи величественного хребта Гумбольдта, входящего в горную систему Нань-Шань.

Невообразимо был труден путь по Хамийской пустыне в летние жаркие дни, где оголенная почва нагревалась до +62,5 градуса. Вот блестящая характеристика, данная Н. М. Пржевальским этому краю:

«На третьем и четвертом переходах от Хами пустыня явилась нам во всей своей ужасающей дикости. Местность здесь представляет слегка волнистую равнину, по которой там и сям разбросаны лёссовые обрывы в форме стен, иногда столбов или башен; почва же покрыта галькою и гравием. Растительности нет вовсе. Животных также нет никаких; даже ни ящериц, ни насекомых. По дороге беспрестанно валяются кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскаленною днем почвою висит мутная, словно дымом наполненная, атмосфера; ветерок не колышет воздуха и не дает прохлады. Только часто пробегают горячие вихри и далеко уносят крутящиеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонам путника играет обманчивый мираж. Если же этого явления не видно, то и тогда сильно нагретый нижний слой воздуха волнуется и дрожит, беспрестанно изменяя очертания отдельных предметов».

Но вот местность немного изменилась, глаза примечают отдельные кустики саксаула, тамариска и даже тростника, а вдали видна зелень травы и садов—это оазис Сачжоу, один из живописных уголков всей Центральной Азии. Здесь много яблок, груш, всяких овощей, великолепные поля, орошаемые водами реки Дан-Хэ, берущей начало из озера Кара-Нур в Нань-Шане.

Много пришлось пережить неприятностей в Сачжоу Н. М. Пржевальскому и его спутникам. Местные чиновники запугивали то разбойниками — тангутами, то трудностями перехода через горы, то ссылались на отсутствие разрешения на посещение Тибета. Все это сводилось к тому, чтобы не пустить экспедицию в Лхассу.

С великим трудом закупив немного продовольствия, экспедиция 3 июля покинула Сачжоу и направилась в восточный Цайдам. Через несколько дней перехода, к великому удивлению путешественников, им путь преградил величественный хребет с вечными снеговыми вершинами. На карте его не было. Так был открыт еще один исполин северного Тибета.

Пользуясь правом первооткрывателя, Н. М. Пржевальский назвал его хребтом Гумбольдта. Он тянется с северо-запада на юго-восток и как бы соединяет горную цепь Алтын-Тага с великим Нань-Шанем.

Южнее хребта Гумбольдта Пржевальский открыл еще один хребет, имеющий направление с юго-запада на северо-восток. Ему было дано название хребта Ритера.

Невероятные усилия требовалось приложить, чтобы пройти и исследовать скалистые высочайшие горы Нань-Шаня, доходящие до 6000 метров абсолютной высоты. Но тот, кто посвятил себя делу науки, не боится трудностей. Таким и был Николай Михайлович Пржевальский в суровом Тибете. Его трудный переход от Нань-Шаня до хребта Тан-Ла преобразил карту этой страны. На Пржевальского произвело незабываемое впечатление Тибетское плато, особенно его животный мир. «Мы вступили словно в иной мир,— пишет Николай Михайлович,— в котором прежде всего поражало обилие крупных зверей, мало или почти вовсе не страшившихся человека. Невдалеке от нашего стойбища паслись табуны хуланов, лежали и в одиночку расхаживали дикие яки, в грандиозной позе стояли самцы оронго; словно резиновые мячики, скакали маленькие антилопы — ады».

Конечной целью экспедиции в Тибете являлось посещение столицы будизма Лхассы, куда из Индии стремились пробраться в то время англичане. Ни один европеец не посещал этого города. Пржевальский хотел первым увидеть его и рассказать о нем народам Европы. Однако и Пржевальскому не удалось увидеть глазами эту столицу.

Изучив в подробности природу восточного Цайдама, Н. М. Пржевальский пересек высочайшую горную страну Куэнь-Лунь и спустился к истокам голубой реки Ян-цзы-Цзянь. Николай Михайлович с глубоким знанием дела охарактеризовал природу и животный мир этого края,

собрал ценные сведения о климате и жизни кочевых тибетцев-еграев. Нанес на карту этот совершенно неисследованный район западного Тибета.

До Лхассы оставалось уже недалеко. Самым трудным препятствием впереди стоял грандиозный хребет Тан-Ла, высота которого достигает 5500—6300 метров. Но и это препятствие было пройдено. 19 ноября 1879 года экспедиция поднялась на гребень перевала.

«На перевале мы сделали залп из берданок и трижды прокричали «ура»,— писал Н. М. Пржевальский.—Звуки эти впервые разбудили здесь эхо пустынных гор. Действительно, нам можно было радоваться своему успеху! Семь с лишком месяцев минуло с тех пор, как мы вышли из Зайсана, и за все это время не имели сряду нескольких отрадных дней. Против нас постоянно были — то безводная пустыня с ее невыносимыми жарами, то гигантские горы, то морозы и бури, то, наконец, вражда людская. Мы удачно побороли все это».

Однако Лхассу Пржевальскому посетить так и не удалось. Дело в том, что еще задолго до прихода экспедиции в Тибет разнесся слух, что Н. М. Пржевальский якобы идет в Лхассу, чтобы похитить первосвященника буддистов Далай-Ламу. Этому слуху все охотно поверили, что и возбудило весь народ Лхассы до крайности. В столице Далай-Ламы стар и мал кричали: «Русские идут сюда затем, чтобы уничтожить нашу веру; мы их ни за что не пустим; пусть они сначала перебьют всех нас, а затем войдут в наш город». Еще летом всюду были расставлены на проходах и перевалах военные пикеты. Стояло солидное количество солдат и у горы Бумза, куда дошел со своим караваном Н. М. Пржевальский..

Две недели простояла экспедиция Пржевальского у горы Бумза в ожидании посольства от Далай-Ламы и вот, наконец, 30 ноября приехали чиновники и объявили, что в Напчу (деревня, находившаяся недалеко от г. Бумза) прибыл из Лхассы посланник, но заболел дорогой и видаться с русскими не может. На вопрос Пржевальского, как об этом думает китайский резидент, чиновники заявили, что они знают свое начальство и что до китайцев им дела нет. Тогда Пржевальский в свою очередь заявил, что желает непременно видаться с посланником, и что если в течение трех дней посланник к нему не при-

едет, то он сам поедет к нему в Напчу. Это заявление испугало чиновников, и они умоляли Пржевальского не двигаться вперед, обещая исполнить все его требования. Действительно через два дня прибыл посланник и остановился в палатке, разбитой для него недалеко от бивуака. Переодевшись в богатую соболью шубу, мехом наружу, он явился к Пржевальскому в сопровождении наместников трех важнейших кумирен и представителей тринадцати аймаков (провинций) владений Далай-Ламы. После обычных приветствий посланник повел длинную речь о том, что русские никогда не бывали в Лхассе, что туда ходят только монголы, тангуты и китайцы и что, наконец, правители на совете твердо решились не пускать русских в Лхассу. Все доводы Пржевальского не привели ни к чему; посланник стоял на своем, причем, как он, так и приближенные складывали на груди руки и самым униженным образом просили путешественников не ходить далее. Они предлагали даже возместить все расходы по путешествию, если только экспедиция вернется назад. Последнее предложение Пржевальский отверг с негодованием, как недостойное русской чести.

Очень тяжело отказываться от заветной мечты, когда она так близка к осуществлению, но делать было нечего. Путь от Напчу в Лхассу возможен только на яках, и богомольцы обыкновенно оставляли верблюдов в Напчу и нанимали яков. Для путешественников это было невозможно потому, что местным жителям запрещалось входить в сношения с ними. Все эти обстоятельства, а главное—фанатизм органов власти ставили неодолимую преграду. Пржевальский объявил посланнику, что согласен вернуться, но потребовал дать ему бумагу, в которой объяснялась бы причина, почему не допускают его в столицу Далай-Ламы.

Попросив дозволения обсудить это предложение, тибетцы вышли из юрты и, усевшись в кружок, стали советаться. Вернувшись, посланник сказал, что он не может дать такой бумаги, так как на это не уполномочен. Тогда Пржевальский категорически объявил, что пойдет в Лхассу.

Снова началось совещание между уполномоченными, и, наконец, они объявили, что дадут такую бумагу, но должны составить ее совместно и потому им необходимо

вернуться в Напчу. «Уж если за это отрубят нам головы,— заключили они,— то пусть рубят всем».

На следующий день Тибетская депутация привезла бумагу, и началось ее чтение. Переводили с тибетского языка на монгольский, потом с монгольского через казака Иринчинова—на русский. Мы позволим себе привести этот интересный документ полностью в переводе с подлинного текста, сделанного профессором В. П. Васильевым.

«Так как Тибет — страна религии, то случалось, что в него и прежде, и после приходили поименованные люди из внешних стран. Но те, которые сыздавна не имели права приходить, по единогласному давнишнему решению князей, вельмож и народа, не принимаются, и велено не на живот, а на смерть охранять, о чем испрошено через живущего в Тибете амбаня высочайшее утверждение. Теперь же в местности Пон-Бум-чун, принадлежащей к Цза-Мар в (стране) Напчу в 10-й луне 13-го числа явились с намерением идти в Тибет, Чаган-хан (т. е. русский император), амбань (т. е. генерал) Николай Шибалисики) так была написана фамилия Пржевальского), тусулачи (помощник) Акэлонь, тусулачи Швийковски (вместо Роборовского) с десятью слугами и солдатами. По известии об этом местного начальства, многие тибетцы отправлены были для расспросов и, когда они (т. е. путешественники) оставались на месте двадцать дней, посланные из Кумирен Сэра, Брайбона и Галдана со многими тибетцами и светскими просили воротиться, и при личном свидании объяснили тщательно вышеуказанные обстоятельства, что в Тибет нельзя приходить — (отвечали), что если вы все дадите письменное скрепленное удостоверение, что нельзя приходить, вернемся, иначе завтра же отправимся в Лхассу; почему мы и просим воротиться, как издревле кто бы ни пришел из неимеющих право приходить.

Наместник брайбунской Лобзан-Дандор. Наместник в сэраском храме великой Яны Гэньдун-Чайраг. Наместник в храме великого победоносца в Гайдане Ринчен-Санбо. Тибетский степной управитель всех светских, Малый-Ханбо Чжигмед-Чойчжор. Цзэчжун (приближенный вельможа), Чжанчун Гэлэг, Цзэчжун Эшей-Даньцин. Шотерун (чин) Дорждже-Да-дул. Шотерун Ванч-

жали-Норву. Управляющий Напчу Шотерун Намчжел-Дордже. Цзечжун Чжалзан-Нойруб. В год земли и зайца в 11-й луне 3-го числа».

После чтения и перевода документа посланник поставил на нем свою печать и вручил ее Пржевальскому. Тогда был дан приказ снимать бивуак.

«Итак,— с горечью замечает Николай Михайлович,— нам не удалось дойти до Лхассы: людское невежество и варварство поставили тому непреодолимые преграды! Невыносимо тяжело было мириться с подобною мыслью и именно в то время, когда все трудности далекого пути были счастливо поборены, а вероятность достижения цели превратилась уже в уверенность успеха».

В одном из писем русскому послу в Пекине Каяндеру Н. М. Пржевальский сообщал: «Трудно описать, с каким грустным чувством повернул я в обратный путь! Но видно, такова моя судьба! Пусть другой, более счастливый путешественник докончит недоконченное мною в Азии. С моей же стороны сделано все, что возможно было сделать».

Возвратившись в Цайдам, Н. М. Пржевальский взял направление к берегам озера Куку-Нор, а затем к верхним истокам Хуанхэ.

От верховья Желтой реки экспедиция через пустыню Алашань вступила в Гоби и к концу 1880 года прибыла в Кяхту.

Путешествие окончено. Было пройдено за два года около восьми тысяч километров пути. Н. М. Пржевальский охватил исследованием Джунгарию, Восточный Тянь-Шань, Нань-Шань, Тибет, Куку-Нор, страну Амдо (верховья реки Хуанхэ), Алашань и Монголию. Почти весь этот путь был снят на карту, причем астрономические и гипсометрические пункты определялись самим Н. М. Пржевальским; кроме того, в этом путешествии Николай Михайлович собрал много тысяч новых растений, животных, насекомых, пресмыкающихся, птиц, собрал богатейшие данные о климате огромного пространства Центральной Азии.

Такой огромный путь по неизведанным до того времени местам был нелегким. Только сильной природы человек, как Н. М. Пржевальский, мог преодолеть знойные пустыни Джунгарии и Алашаня, заоблачные высоты Ти-

бета и топкие болота Цайдама. Не только природа становилась препятствием на пути смельчаков, но и люди. Не раз племена еграев и тангутов нападали на кучку русских людей, затерявшихся в просторах Центральной Азии и не раз приходилось глядеть смерти в лицо, отстаивать не только интересы науки, но и свою жизнь.

Третье путешествие Н. М. Пржевальского было триумфом смелости и выносливости, триумфом разума и колоссальных научных достижений. Весь прогрессивный мир с великим интересом следил за подвигами нашего замечательного соотечественника.

Радушно были встречены Н. М. Пржевальский и его спутники в Петербурге. Всем членам экспедиции пожалованы награды и ордена. Петербургская дума избрала Пржевальского почетным гражданином г. Петербурга; Московский университет присваивает ему звание почетного доктора зоологии, Русское Географическое общество избирает почетным членом. Он избирается также почетным членом С-Петербургского университета, С-Петербургского общества естествознания, Венгерского Географического общества.

Результаты своих наблюдений во время третьего путешествия по Центральной Азии Пржевальский излагает в книге «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки».

Окиньте взглядом все сделанное Н. М. Пржевальским, и он встанет перед вами во весь богатырский рост, поразит и увлечет громадной совокупностью своих искренних стремлений открыть истинную картину природы Центральной Азии.

Ю. М. Шокальский.

ОТ КЯХТЫ НА ИСТОКИ ЖЕЛТОЙ РЕКИ

ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. 1883—1885 гг.

Еще в ходе третьего путешествия по Центральной Азии Н. М. Пржевальский писал: «Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мною, лишь только пройдут первые порывы радости по возвращении на Родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе». Николай Михайлович до конца жизни отдался Азии, беспредельно полюбил ее природу, ее дикие просторы. И он уже не мог быть долго в разлуке с ней, сознавая, что в ее просторах еще много неизвестного, неоткрытого, неизученного.

Только что закончив обработку наблюдений третьего путешествия, Н. М. Пржевальский уже собирался в четвертое, которое было начато 2 ноября 1883 года и продолжалось до 10 ноября 1885 года. За это время экспедиция прошла на верблюдах и лошадях громадный путь—7815 километров.

Выйдя из Кяхты, Пржевальский проторенной и хорошо известной ему дорогой прошел через Монголию к озеру Куку-Нор, откуда сделал большой кольцевой маршрут к истокам Желтой реки и к Янцзы. Далее он пересек Цайдам и Алтын-Таг, вышел к Лоб-Нору, прошел вдоль Алтын-Тага, сделал меридиональное пересечение пустыни Такла-Макан и через Тянь-Шань вышел в

Иссык-Кульскую котловину и к городу Караколу (ныне Пржевальск). Основная цель этого путешествия заключалась в исследовании истоков Желтой реки, Алтын-Тага, Кашгарии (Восточного Туркестана). Поставленная задача была выполнена блестяще. Но это удалось трудом великих испытаний. Не раз жизнь путешественников стояла на краю пропасти. Взять хотя бы такой пример, когда на кучку русских людей в 24 человека, затерявшихся в дебрях Тибета в районе озера Джарин-Нур, открытого экспедицией, напали тангуты численностью более трехсот человек, или же нападение огромной шайки еграев у перевала Танла. Однако мужество и стойкость участников экспедиции и лично Николая Михайловича заставила разбойников прекратить атаки.

Исследовав озеро Орин-Нур и Джарин-Нур, которые питают начало великой китайской реки Хуанхэ (Желтой реки), отряд перевалил громадный хребет Баян-Хара-ула и подошел к берегам Янцзы, а затем прежним путем возвратился в Цайдам и взял направление по Цайдаму к Алтын-Тагу. Здесь Николай Михайлович открыл ряд хребтов, не обозначенных ранее на картах. Некоторые хребты были названы русскими именами, как например: хребет Русский, хребет Московский, гора Шапка Мономаха и другие.

Обогнув с юга пустыню Такла-Макан и дойдя до оазиса Хотан, экспедиция Пржевальского углубилась в западную часть пустыни и пересекла ее на всем протяжении до оазиса Ак-Су.

Каких стоило трудов покрыть огромное расстояние от Кяхты через всю Гоби к озеру Куку-Нор, Северный Тибет, Цайдам, пустыню Такла-Макан и Тянь-Шань на выючном транспорте! Десятки хребтов с заоблачными высотами пришлось пересекать там, где не ступала нога человека. История путешествий не знает примеров, подобных путешествию экспедиции Н. М. Пржевальского по бесплодной Гоби через болота Цайдама и знойную пустыню Такла-Макан.

До путешествия Пржевальского мир очень мало знал о существовании хребта Бурхан-Буда, о болотах Цайдама, где почти круглый год стоят густые туманы, пронизывающие одежду насквозь, о хребте Алтын-Таг с верши-

нами более семи тысяч метров, о знойной пустыне Такла-Макан и о многом другом.

В конце октября 1885 года экспедиция подошла к Кокшаал-Тау, могучему хребту Тянь-Шаня, и поднялась на перевал Бедель. Это была земля горячо любимой родины. В тот день вечером Н. М. Пржевальский перед экспедиционным отрядом прочитал прощальный приказ:

«Сегодня для нас знаменательный день: мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Более двух лет минуло с тех пор, как мы начали из Кяхты свое путешествие. Мы пускались в глубь азиатской пустыни, имея с собою лишь одного союзника — отвагу; все остальное стояло против нас: и природа и люди. Вспомните — мы ходили то по сыпучим пескам Алашаня и Тарима, то по болотам Цайдама и Тибета, то по громадным горным хребтам, перевалы которых лежат на заоблачной высоте. Мы жили два года, как дикари, под открытым небом, в палатках или юртах и переносили то 40-градусные морозы, то еще большие жары, то ужасные бури пустыни...

Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препятствия со стороны враждебно настроенного населения — ничто не могло остановить нас. Мы выполнили свою задачу до конца — прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную — от имени науки, которой мы служили, и от имени родины, которую мы прославили...»

В конце октября 1885 года после перехода хребта Ак-Шийрак экспедиция подошла к перевалу Джуукучак и через ущелье Заука спустилась с вершин Терской-Алатау, вступила на берега киргизского моря — озера Иссык-Куль и направилась в Каракол. Жители города — киргизы, узбеки, татары, русские — тепло встретили отважного путешественника. В девяти километрах от Каракола, где теперь селение Калиновка, они поставили юрты и в них торжественно приняли великого труженика науки.

В Караколе Н. М. Пржевальский остановился в доме известного краеведа и покровителя всех путешественников, приходивших на Тянь-Шань, Ярослава Ивановича

Королькова, где и пробыл на отдыхе почти две недели.

Понравился Николаю Михайловичу живописный Каракол, особенно Каракольское ущелье, фруктовые сады, но больше всего полюбил он людей — жителей этого маленького гостеприимного города. Пржевальский с удовольствием гулял в молодом городском парке, любовался панорамой Иссык-Куля с вершины Кок-Беля, у подножья которого так прямолинейно раскинулись кварталы города, которому суждено было историей носить имя великого путешественника.

Наступила зима, надо было спешить провести свой большой караван через Кунгей-Алатау в город Верный (ныне Алма-Ата). И вот настало время разлуки с гостеприимными каракольцами. В конце ноября караван путешественников, напутствуемый жителями теплыми пожеланиями, покинул юный город и через Тюп, Сазановку и Григорьевку, перевал Каскелен в хребте Кунгей-Алатау, направился в Верный. Это была последняя остановка в Средней Азии. Отсюда Пржевальский выехал в Петербург.

Общественность и ученые столицы восторженно встретили своего знаменитого земляка.

Слушая восторженные речи, произносимые учеными в честь великого путешественника, Н. М. Пржевальский был далек от мысли приписывать себе одному блестящие результаты своих путешествий. В докладе Генеральному штабу он прямо заявил, что без отваги, энергии и беззаветной преданности делу его сподвижников, никогда не могла бы осуществиться даже малая часть того, что теперь сделано.

По ходатайству Николая Михайловича, все его сподвижники были щедро награждены орденами и пенсиями.

В апреле 1886 года Н. М. Пржевальский уехал из Петербурга в свое имение слободу, где приступил к описанию результатов четвертого путешествия. Труд этот был назван «От Кяхты на истоки Желтой реки».

За открытия, сделанные Н. М. Пржевальским во время четырех путешествий, Петербургская Академия наук в 1886 году отливает в честь Н. М. Пржевальского именную золотую медаль с надписью «Первому исследователю природы Центральной Азии» и награждает ею Николая Михайловича. Генеральный штаб присваивает вели-

кому путешественнику воинское звание генерал-майора, Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии избирает его почетным членом.

Высоко оценили заслуги Н. М. Пржевальского и иностранные научные общества. Так, Стокгольмское Географическое общество присуждает путешественнику золотую медаль «Вега», Итальянское Географическое общество — высшую награду — Большую Золотую медаль. 18 (30) июля 1886 года Германская академия естественных и медицинских наук в Галле избирает Пржевальского действительным членом академии. В том же году он получил звание почетного члена Франкфуртского и Голландского географических обществ. В 1887 году постановлением Русского Географического общества один из открытых Пржевальским горных хребтов в системе Алтын-Таг назван его именем.

Эти награды и почетные звания явились фактом признания великих заслуг Пржевальского перед наукой.

За четыре путешествия по Центральной Азии Николай Михайлович собрал огромное количество научных материалов по ботанике, зоологии, этнографии; ценнейшие сведения о климате Гоби, Ордоса, Тибета, Цайдама, Такла-Макан, Джунгарии и Восточного Тянь-Шаня. Ботаническая коллекция растений, собранная экспедицией, составила 1700 видов в количестве 16 тысяч экземпляров, зоологический материал насчитывал 7555 чучел птиц, различных диких животных, пресмыкающихся и рыб.

На громадном протяжении маршрутов экспедицией Пржевальского по Центральной Азии сделаны определения 231 пункта абсолютных высот, 63 астрономических пункта. Из 33288 километров пройденного пути Н. М. Пржевальским произведена съемка местности на карту около 20 тысяч километров. Это поистине гигантская работа. Благодаря этим съемкам карта Центральной Азии совершенно изменилась.

Научный материал, добытый Пржевальским во время путешествий по Центральной Азии, был так велик, что после его смерти потребовалось двадцать пять лет десятилетиям докторов наук, чтобы только систематизировать коллекции Пржевальского. Не случайно ведь сказано, что один Пржевальский сделал столько, сколько не смогли сделать все путешественники мира за целое столетие.

После четвертого путешествия имя Николая Михайловича стало популярным среди всех народов Европы и Азии. В лице Н. М. Пржевальского мир увидел бесстрашного путешественника и исследователя, человека беспрдельно преданного Родине и делу науки.

Широкая деятельная натура Н. М. Пржевальского не удовлетворялась достигнутыми успехами. Еще работая над книгой «От Кяхты на истоки Желтой реки», он задумал совершить пятое путешествие и обязательно исследовать Кашгарию, Лхассу, пройти к истокам реки Брампутры...

Полная труда жизнь Пржевальского была действительно прекрасным горением русской души. И подобно тому, как при имени Пушкина нас сразу же осеняет мысль о великом национальном поэте, а при имени Глинки — о национальном композиторе, в имени Пржевальского мы видим прежде всего великого русского путешественника.

П. П. Померанцев.

КОНЕЦ ЖИЗНИ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

1888 г.

К началу лета 1888 г. Пржевальский разработал план предстоящего путешествия, представив его на утверждение правительству и Географическому обществу. Вскоре план был одобрен. На этот раз Министерство финансов не поскупилось на деньги. На содержание экспедиции было ассигновано 70 тысяч рублей, а Петербургская Академия наук выделила в распоряжение Пржевальского новейшие приборы и походное имущество.

Исходным пунктом пятого путешествия был избран город Каракол, расположенный в двенадцати километрах от озера Иссык-Куль у подножья высочайшего хребта Терской-Алатоо. Отсюда ближе Тибет. Хотя путь через Тянь-Шань и пустыню Такла-Макан являлся труднейшим, это не пугало испытанного путешественника.

Во второй половине августа экспедиционный отряд во главе с Пржевальским и его помощниками В. И. Роборовским и П. К. Козловым выступил в поход в Азию и 16 октября 1888 г. прибыл в Пишпек (ныне гор. Фрунзе, столица Киргизской ССР).

Киргизы Пишпекского уезда радушно встретили Николая Михайловича и приняли деятельное участие в снабжении экспедиции продуктами питания, помогли купить 80 вьючных верблюдов, выполняли различного рода поручения, а по вечерам были желанными гостями в юрте Пржевальского. Они с увлечением рассказывали ему о

богатстве охотничьих угодий Чуйской долины, предлагали вместе сходить на охоту за фазанами. И он не раз ходил с киргизами охотиться, удивляя их меткостью стрельбы. В знак благодарности за столь теплое внимание Пржевальский снабдил охотников-киргизов порохом и дробью. Вообще Н. М. Пржевальский высоко отзывался о киргизах. Он, например, с чувством благодарности вспоминал о таком приключении. Однажды во время начала второго путешествия, переправляясь через реку Ак-Су, около почтовой станции Хоргос, вдруг понесло сильным течением две брички, на которых лежало шестнадцать ящиков ценного экспедиционного имущества. Сопровождавшие обоз ямщики растерялись. Эту картину заметили ехавшие шесть человек киргизов, они тут же бросились в реку и стали ловить ящики, которые уже успели уплыть за целый километр. И только благодаря их отваге имущество было спасено. Пржевальский щедро наградил смельчаков.

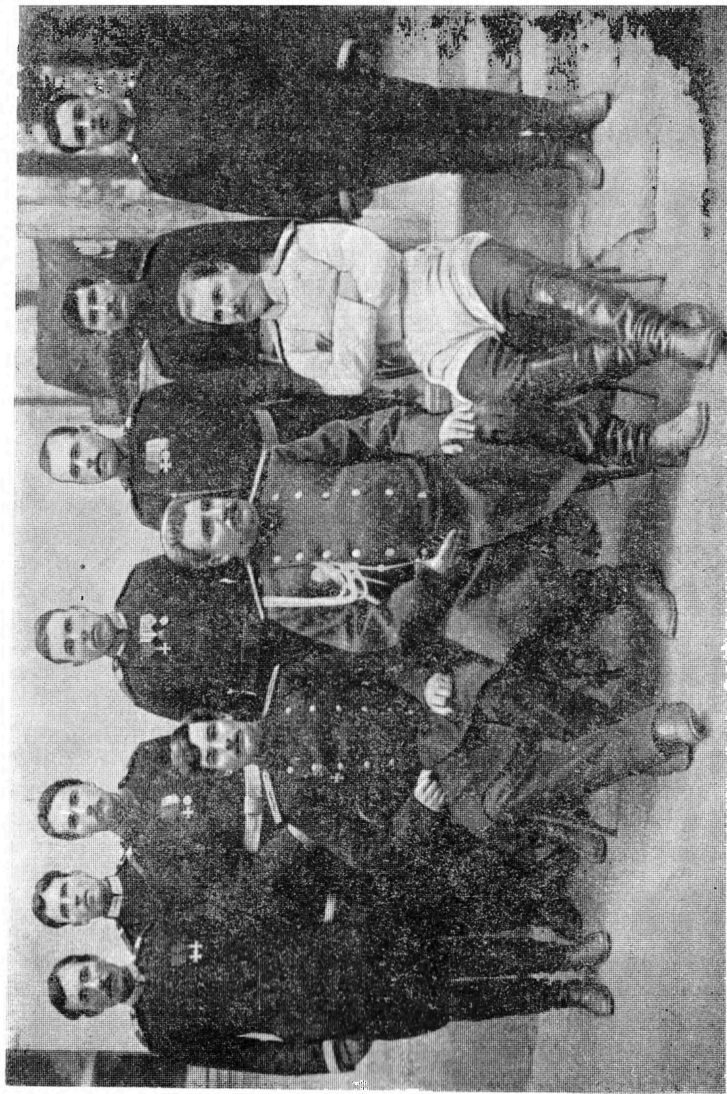
Во время охоты в окрестностях Пишпека Пржевальский сильно простудился и после этого заболел тифом. Первые дни он об этом не признавался, думал что так пройдет. Спутники заметили перемену в состоянии здоровья своего командира, но не решались сказать ему об этом.

Между тем, Пржевальский торопил с отъездом в Каракол, куда и выехали на почтовых 19 октября, а 22 уже прибыли к исходному рубежу путешествия. Через три дня после приезда Николай Михайлович почувствовал себя совсем плохо, поднялась температура, непрерывно шла кровь носом, затруднялось дыхание. По совету местных врачей Барсова и Крыжановского Пржевальский согласился переехать из юрты в лазарет. Здесь он и скончался первого ноября 1888 г. по новому стилю. За день до смерти, придя в сознание, спросил доктора:

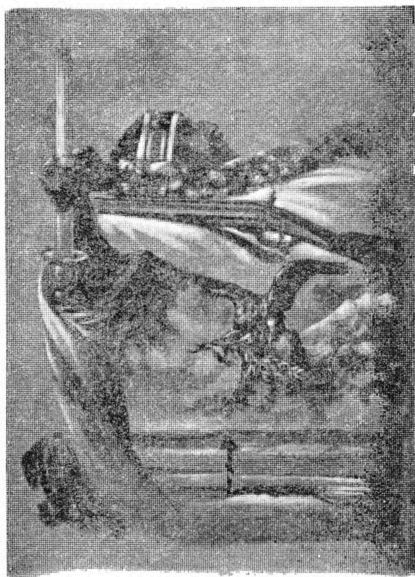
— Скажите, доктор, скоро ли я умру. Только говорите правду. Я смерти не боюсь, несколько раз стоял я лицом к лицу с нею, мне многое надо передать...

Доктор успокаивал больного, говоря ему, что с такой жизненной силой, как у Пржевальского, люди не умирают.

— Тогда телеграммы пошлем завтра,— сказал больной и добавил обращаясь к спутникам: — об одном не

Главный состав пятой экспедиции Н. М. Пржевальского.
Снимок сделан В. И. Роборовским за десять дней до смерти Николая Михайловича.

Н. М. Пржевальский на смертном одре и его могила на берегу Иссык-Куля.

забудьте: похороните меня непременно на берегу Иссык-Куля, но чтобы не размыло водою. Надпись сделайте простую «Путешественник Н. М. Пржевальский», положите в гроб в моей экспедиционной одежде. Доктор, прошу не анатомировать меня.

Почти всю ночь 1 ноября Пржевальский находился в глубоком параксизме и бредил об экспедиции, а к утру на несколько минут пришел в сознание, тогда он вдруг вскочил на ноги, поддерживаемый спутниками, постоял немного, посмотрел на своих старых друзей, окинул взором экспедиционные юрты,

стоявшие на площади перед окном, и сказал: «Теперь я лягу»... Это были последние слова великого бойца науки.

Экспедиционные солдаты вместе с солдатами местного гарнизона два дня копали могилу и делали склеп на цементе. В это же время в гарнизоне делали два гроба — один дубовый, другой — цинковый. Прах Пржевальского положили сначала в дубовый гроб и герметически закрыли, залив все соединения в досках смолой, а потом опустили в цинковый гроб и запаляли.

5 ноября было получено телеграфное распоряжение, разрешающее предать тело земле, согласно воле покойного, на берегу Киргизского моря — озера Иссык-Куль,

6 ноября в 9 часов утра перед лазаретом были выстроены все наличные войска города Каракола, сюда же собрались и все жители города. Гроб был установлен на пушечном лафете. Зазвучали мелодии траурной музыки, и процессия двинулась к месту вечного упокоения. За

городом к огромной массе людей присоединились киргизы из многих айлов. Они тоже шли с обнаженными головами, провожая в последний путь своего старого знакомого и друга.

Возле могилы выстроились войска и пропустили с должными почестями процессию; спутники-товарищи сняли с лафета гроб и понесли к приготовленному склепу.

Залпы орудий разнесли грустную весть далеко по озеру и по окрестным горам.

По окончании надгробных речей, склеп был замурован, засыпан землей, а на могиле водружен черный крест, на котором В. И. Роборовский сделал, согласно воле покойного, простую надпись: «Путешественник Николай Михайлович Пржевальский. Родился 1839 года, марта 31-го. Скончался 1888 года, октября 20-го» (здесь даты даны по старому стилю).

Тяжелая весть о кончине первого исследователя природы Центральной Азии облетела не только Россию, но и все европейские страны. Мир скорбил об утрате выдающегося ученого и путешественника.

«Смерть скосила одного из великих людей XIX века», — говорилось в некрологе о кончине Н. М. Пржевальского.

На заседании Географического общества 11-го ноября 1888 года П. П. Семенов-Тянь-Шанский говорил:

«Не бредом больного воображения было последнее выраженное дорогим нам усопшим желание быть похороненным на берегах Иссык-Куля, идея, связанная с этим желанием, не только глубокая, но и вполне соответствующая русскому народному складу ума Николая Михайловича...

В этом выражается глубокая и трогательная вера русского народного героя не только в бессмертие его идеи, но и в неоскуднении русской земли такими же богатствами, как он.

Блестящим метеором мелькнула перед нами жизнь чистая, поэтическая, могучая духом и телом и канула в вечность.

Но оставленный ею на земле пример горячей любви к родине, забота о ее славе и могуществе и огромный запас

научного наследства — сделают имя Николая Михайловича Пржевальского бессмертным...»

Многие ученые, военные, друзья путешественника, жители города Каракола обратились к правительству с ходатайством об увековечении памяти первого исследователя природы Центральной Азии Н. М. Пржевальского.

В связи с этим 11 марта 1889 года последовал Указ императора о переименовании города Каракола, где скончался великий путешественник, в город Пржевальск. Бараку, в котором прошли последние дни жизни Николая Михайловича, было присвоено имя путешественника генерал-майора Н. М. Пржевальского. В этом же Указе был пункт, в котором говорилось о сооружении памятника на берегу Иссык-Куля, где покоится прах Н. М. Пржевальского. На его сооружение было выделено 125 тысяч рублей серебром.

Все, кто приходит поклониться праху путешественника, с восхищением осматривают величественное сооружение памятника первому исследователю природы Центральной Азии. Это поистине шедевр искусства. Построен он по проекту генерала А. А. Бильдерлинга, ваение исполнил академик-архитектор И. Н. Шредер.

Памятник Н. М. Пржевальскому сделан из гранодиоритных глыб и изображает скалу как символ грандиозной природы Азии, которой посвятил он свою жизнь. Высота ее почти девять метров, на вершине скалы — приземляющийся бронзовый орел — символ ума и смелости (размах крыльев равен трем метрам). Под ногами орла — бронзовая карта Центральной Азии, где обозначены маршруты Н. М. Пржевальского. Орел как бы приземляясь к карте, кладет оливковую ветвь на пути, пройденные Н. М. Пржевальским — венчает славой подвиги путешественников и символизирует мирные завоевания науки. На передней стороне памятника круглый барельеф, изображающий профильный портрет путешественника — это увеличенная копия именной золотой медали, которая была отлита Петербургской академией наук в 1886 году в знак признания великих заслуг Н. М. Пржевальского перед наукой. Лицевая сторона памятника обращена точно на юг, то есть в сторону, куда направлялся Николай Михайлович в последнем своем путешествии.

• Памятник Н. М. Пржевальскому на берегу Иссык-Куля,
сооруженный в 1893 году.

Торжественное открытие памятника состоялось летом 1894 года.

Советский народ бережно хранит память о великом путешественнике Николае Михайловиче Пржевальском. За годы Советской власти не раз издавались его труды, отмечались юбилейные даты, устраивались выставки научных коллекций. А в 1950 году правительство Киргизской ССР выделило средства на благоустройство территории памятника и на строительство мемориального музея, который был открыт 29 апреля 1957 года. Теперь сотни людей ежедневно приезжают со всех концов нашей необъятной Родины и из-за рубежа, чтобы познакомиться с жизнью и деятельностью великого географа.

Сам факт открытия музея является ярким свидетельством заботы киргизского народа о замечательных делах отважного путешественника. На территории памятника и музея в 1949 году создан парк на площади одиннадцати гектаров. Все, кто приезжает посмотреть музей, тепло благодарят правительство республики за большую заботу и внимание к памяти Н. М. Пржевальского.

Николай Михайлович восторженно говорил о природе и людях Киргизии, о большом будущем этого края и даже желал переселиться сюда, если он благополучно завершит путешествие. Его пожелания киргизскому народу сбылись. После Великой Октябрьской социалистической революции, вручившей судьбу народов нашей страны в их собственные руки, под руководством родной Коммунистической партии, Киргизстан превратился в одну из цветущих братских республик Советского Союза с крупной промышленностью, высокоразвитым сельским хозяйством, оснащенным современной техникой.

Во время путешествия Пржевальского киргизский народ не имел даже своей письменности. Теперь в Советской Киргизии есть Академия наук, где работают ученые киргизы, русские и другие, во многих высших учебных заведениях обучаются тысячи студентов коренной национальности вместе со всеми представителями нашей многонациональной республики. В школах Киргизии получают знания более трехсот тысяч учащихся.

А как выросли те города Киргизстана, в которых был Пржевальский! В тот период времени Пишпек (теперь Фрунзе) насчитывал немногим более сотни саманных до-

миков, с неизменной камышово́й крышей, с кривыми узкими улицами, всюду была непроходимая грязь. Теперь Фрунзе превратился в город-сад, в крупный промышленный и культурный центр республики.

Неузнаваемо вырос и бывший Каракол, переименованный в город Пржевальск. В 1888 г. в нем была одна единственная школа, теперь их около двадцати. Работает педагогический институт, готовящий национальные кадры учителей для Прииссыккуля и других районов Киргизии. Действуют заново построенные заводы и фабрики, электростанции и транспортные предприятия, развиваются научные и культурные учреждения.

Изменились и те страны, по которым путешествовал Пржевальский. В 1960 году музей посетила большая группа представителей Монгольской Народной Республики, через территорию которой проходил трижды отважный путешественник. Монголы рассказали о том, что их родина обрела счастье благодаря бескорыстной братской помощи советского народа. Теперь ликвидирована полностью та вековая отсталость, которую видел Н. М. Пржевальский. Скотоводы получили возможность учиться, строить заводы и шахты, дороги и электростанции. Они рассказали также о том, что жители Селенгинского, Центрального, Среднеобийского и других аймаков из поколения в поколение передают рассказы о русском путешественнике Пржевальском, который был в большой дружбе с местным населением.

Благодаря революции воспрял к новой жизни великий Китай, исследованию которого Николай Михайлович посвятил более девяти лет. Профессор Пекинского университета Фэн-Цзя-Шэн, посетивший музей Пржевальского в 1958 году, рассказал об огромном энтузиазме китайского народа, с которым он участвует в строительстве новой жизни.

ХАРАКТЕР И ВЗГЛЯДЫ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Когда заходит речь о Пржевальском, непременно каждый собеседник спрашивает о личной жизни путешественника, о его характере и взглядах. Это, конечно, не случайно. Ведь недаром еще при жизни о Пржевальском слагали легенды. И люди всех возрастов с одинаковым интересом будут слушать рассказы и читать книги об этом замечательном человеке.

Достаточно произнести имя Пржевальского, как в вашем воображении возникает образ богатыря с кристально чистой душой; образ великого патриота, безгранично любившего свою родину.

Колоритнейшая фигура Пржевальского явилась миру не сразу. Она стала формироваться еще в детские годы под влиянием определенных условий и главным из них была живописная природа, окружавшая хутор Отрадное, где он провел годы детства и ранней юности.

Именно благодаря природе в сознании Николая Михайловича выработались свои взгляды на окружающий мир, сформировалась нежная, поэтическая душа, чистая как сама природа, где все естественно и неподдельно.

Рос он жизнерадостным, веселым, обладал юмором. При случае любил пошутить над товарищами и сам без обид воспринимал шутки в свой адрес. А уж о физическом развитии и говорить не приходится — это был настоящий богатырь атлетического телосложения с красивыми чертами лица.

Это был обаятельнейший человек. Петр Кузьмич Козлов — ученик и спутник Пржевальского рассказывал, что Николай Михайлович своей фигурой, движениями, голосом, своей оригинальной орлиной головой не походил на

остальных людей; глубоким же взглядом строгих красивых голубых глаз, казалось, проникал в самую душу.

От Николая Михайловича исходила какая-то особенная струя, особенный запах, которые опьяняли человека и отдавали во власть его несравненной силы воли, энергии и того высокого обаяния, которое составляло отличительную черту характера Пржевальского.

Однако, Пржевальский не сразу привыкал к людям, но раз привыкнув, не мог порвать с ними отношений, хотя бы человек оказался незаслуживающим его дружбы.

Своих спутников он любил, как нежный отец, заботился буквально о каждой мелочи, делил с ними последний кусок хлеба или глоток воды. Например, во время перехода через джунгарскую пустыню, экспедиция оказалась в трудном положении, целую неделю путешественники не могли найти воды. Все изнывали от жажды при жаре в сорок пять градусов. Воды ни у кого не осталось кроме Пржевальского, да и у него было не более стакана, и вдруг с одним из рядовых солдат стало плохо, Николай Михайлович тут же отстегнул фляжку и отдал последнюю воду страдающему.

Пржевальский не любил шумных компаний и большого общества. Не любил он вечеров, на которые его приглашали. На такие вечера он ездил крайне неохотно.

— Черт возьми, должен одеваться, ехать! — говорил он. Все порядочные люди спят, а я тут изволь путаться. А на другой день, рассказывая о проведенном вечере, с досадою прибавлял:

— Вот подлецы! Я бы выспался, написал бы страницы три, четыре, а теперь голова болит, ничего не сделал, вечер пропал даром.

Но это не означает, что Николай Михайлович не имел друзей. Желанными гостями в его квартире в субботние вечера были подполковник И. Л. Фатеев, майор М. И. Степанов, врач Сердечный. Был он в хорошей дружбе с генералом Ф. А. Фельдманом—управляющим вспомогательного комитета генерального штаба, с помощником начальника генерального штаба А. А. Бильдерлингом, который первым написал маслом портрет Пржевальского и является автором проекта всемирно известного памятника Пржевальскому на берегу Иссык-Куля.

Кроме этих петербургских друзей у Николая Михайловича были друзья и приятели почти в каждом городе, в котором ему приходилось бывать. В Кяхте он, например, дружил с Алексеем Михайловичем Лушниковым.

Не было только у него среди друзей женщин, хотя поклонниц было вполне достаточно. Вообще он был чужд увлечений женщинами и на настоятельные советы родных о женитьбе всегда отвечал отрицательно, говоря, что женитьба есть дело, над которым надо подумать серьезно, что это высшее счастье для человека, но что оно может обратиться в величайшее несчастье, если окажется неудачным, и что при его кочевой жизни жениться невысказанно. — Я буду путешествовать, — говорил он, — а жена будет скучать и тревожиться за меня, это не годится.

Путешествия для Пржевальского — это не просто увлечения страннической жизнью, они были его потребностью. В глубинах Азии он наслаждался простором, свободой и не мог переносить душной и тесной Петербургской жизни с ее условностями и официальностью.

Вне путешествий он чувствовал себя больным и слабым, но как только начинал путешествие, вдруг весь преображался и становился просто неузнаваемым.

В одном из дневников Николай Михайлович сделал такую запись:

«Грустное, тоскливое чувство овладевает мною всякий раз, как только пройдут первые порывы радости по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-нибудь незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе».

Путешествие для него действительно было его стихией. Любовь к независимости и свободе находили полное удовлетворение в экспедиционной жизни, страстный натуралист и охотник, он не мог и желать большего раздолья, более богатого простора для наблюдений; наконец, стремление к полезной, широкой деятельности удовлетворялось сознанием великих и плодотворных результатов, приносимых его экспедициями.

Привыкнув к свободной жизни среди дикой природы заоблачного Тибета и пустынь Азии, Николай Михайлович не мог переносить городской жизни, особенно в Петербурге. Вечная городская суматоха, необходимость

«тесняться и подтягиваться раздражали и угнетали его. «Общая характеристика Петербургской жизни,—говорил он,— на грош дела, на рубль суматохи».

«Ну, уж спасибо за такую жизнь; не променяю я ни за что в мире свою золотую волю. Черт их дери — все эти богатства, они принесут мне не счастье, а тяжелую неволю. Не утерплю сидеть в Питере. Вольную птицу в клетке не удержишь».

С этой целью он купил себе усадьбу Слободу, которая располагалась среди глухих лесов и озер. Вот здесь он и проводил свой отдых, занимаясь охотой и рыбной ловлей с местными крестьянами.

Пржевальский никогда не боялся сказать правду о пороках общества того времени. В письме своему другу Ф. А. Фельдману он писал: «Не один раз, сидя в застегнутом мундире в салоне какого-нибудь вельможи, я вспоминал с сожалением о своей свободной жизни в пустыне с товарищами и офицерами и казаками. Там кирпичный чай и баранина пились и елись с большим аппетитом, нежели здешние заморские вина и французские блюда; там была свобода, здесь позолоченная неволя; здесь все по форме, все по мерке; нет ни простоты, ни свободы, ни воздуха. Каменные тюрьмы, называемые домами; изуродованная жизнь — жизнью цивилизованной, мерзость нравственная — тактом житейским называемая; продажность, бессердечие, беспечность, разврат — словом все гадкие инстинкты человека, правда изукрашенные тем или другим способом, фигурируют и служат гланым двигателем во всех слоях общества. Могу сказать только одно, что в обществе, подобно нашему, очень худо жить человеку с душою и сердцем. Нет, видно никогда не привыкнуть вольной птице к тесной клетке; никогда и мне не сродниться с искусственными условиями цивилизованной, правильной, изуродованной жизни».

Несмотря на то, что Николай Михайлович иногда резко судил о людях, в сущности же он был истинно добрым, приветливым, гуманным человеком.

Не имея своих детей, он нежно, заботливо относился к чужим детям. Например, в Иркутске он любил шестнадцатилетнего сироту Ягунова, которого учил географии, истории, картографии и препарированию животных, потом же взял его с собой в Уссурийское путешествие.

После окончания исследования края Николай Михайлович определил его в Юнкерское училище и внимательно следил за его учебой.

Первого своего спутника по Центральной Азии, Ф. Л. Эклон, Пржевальский готовил к экзаменам на свой счет. А потом он по-отцовски следил за его дальнейшим обучением. Когда Николай Михайлович узнал, что Эклон стал клониться к разгульной жизни и, предвидя, что это приведет к печальному концу, он немедленно написал ему следующее письмо:

«Во имя нашей дружбы и моей искренней любви к тебе прошу перестать жить таким образом. Учись, занимайся, читай—старайся наверстать хотя сколько-нибудь потерянное в своем образовании. Для тебя еще вся жизнь впереди, не порти и не отравляй ее в самом начале. Где бы ты ни был — везде скромность и труд будут оценены, конечно не товарищами-шелопаями. Я тебя вывел на путь; тяжело мне будет видеть, если ты пойдешь иной дорогой... Я не говорю, чтобы ты совершенно отказался от удовольствий, но стою на том, чтобы эти удовольствия не сделались окончательно целью твоей жизни». Это письмо оказало сильное влияние на Эклон.

Любил он сироту Костю Воеводского, учил его за свой счет, покупал ему одежду, брал с собой на охоту, угощал изысканными сладостями и ездил в гимназию узнавать об успехах своего воспитанника, больно переживал его неудачи в учебе. А когда отправлялся в пятое путешествие, горько расплакался, прощаясь со своим любимцем.

Николай Михайлович Пржевальский весь без остатка был поглощен делом науки. Немного найдется таких людей, с кем бы можно было сравнить этого незаурядного человека. И действительно очень метко было однажды сказано П. П. Семеновым-Тян-Шанским, что с именем Пржевальского соединяется теплота сердечная, чистота душевная, отвага богатырская, восторженная любовь к природе, родине и к высшему проявлению человеческого гения — науке.

* * *

Н. М. Пржевальский свои путешествия скромно называл «научными рекогносцировками». Назвал он их так

потому, что ему первому пришлось посетить те районы Азии, где до него не был ни один путешественник. Однако исследования Пржевальского выходят за рамки только рекогносцировок. Во время путешествий по Центральной Азии он с глубиной и со знанием дела охватил такие отрасли науки, как картографию, зоологию, ботанику, климатологию, этнографию и физическую географию. Вряд ли кому из путешественников как до Пржевальского, так и после него удалось в таком комплексе изучать огромную площадь почти в семь миллионов квадратных километров.

Научные результаты путешествий Пржевальского были признаны всем миром как тогда, так и теперь. Вот что пишет, например, Дж. Бейкер в своей книге «История географических открытий и исследований», вышедшей в 1945 году в Лондоне:

«Своим исследованием Центральная Азия обязана главным образом русским, шедшим через Тянь-Шань, Памир и Монголию, и англичанам, проникшим в нее со стороны Индии через Каракорумскую группу гор или через Тибетское плато. Исследование Азии началось в 1857 г. с путешествия Семенова по Тянь-Шаню и Шлагинтвейна в Яркенд. Характерной чертой для XIX в. является скорее большое число исследовательских экспедиций, чем из ряда вон выходящее значение какой-либо одной из них. Это верно за одним крупным исключением. Имя одного из исследователей, а именно Пржевальского, выделяется из ряда всех других. Его путешествия, начавшиеся в 1871 г. и оборвавшиеся с его смертью в 1888 г., в корне изменили карту Центральной Азии. Его деятельность требует особого рассмотрения, и ее можно считать поворотным пунктом во всей истории исследования Центральной Азии на три этапа: до, во время и после Пржевальского».

«В 1888 г. Пржевальский подготовил пятую экспедицию, но умер до ее выхода в путь. Его работа в Центральной Азии была продолжена его спутниками по предыдущим путешествиям и помогла заполнить деталями начерченный им общий контур. Его исследования охватили всю Центральную Азию от Тянь-Шаня до Монголии и от бассейна Амура до Северного Тибета. К моменту его смерти картографирование Центральной Азии быстро

шло к концу, и его доля в этом процессе такова, что он навсегда останется в памяти людей как один из величайших путешественников XIX столетия».

Дальнейшее изучение Центральной Азии, начатое Пржевальским, успешно продолжали его последователи и ученики В. И. Роборовский, принимавший участие в третьем и четвертом путешествиях с Николаем Михайловичем, П. К. Козлов, сопровождавший его в четвертом путешествии, а впоследствии совершивший шесть самостоятельных путешествий в глубину Азии, М. В. Певцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. А. Обручев, Г. Н. Потанин и другие.

Изучение Азии продолжается и теперь. После Пржевальского в Гоби, в Монголии и Тибете побывали десятки и сотни путешественников, представляющих самые различные отрасли науки. Но при упоминании высоких горных систем Нань-Шаня, Алтын-Тага и Куэнь-Луня, бескрайних пустынь Гоби и Такла-Макана, альпийского озера Куку-Нора и болотистого Лоб-Нора всегда с благодарностью люди будут вспоминать первого исследователя Центральной Азии Николая Михайловича Пржевальского.

СОДЕРЖАНИЕ

Детские и юношеские годы Н. М. Пржевальского	9
Проба сил. Путешествие по Уссурийскому краю. 1867—1869 гг. . .	18
Первое путешествие по Центральной Азии. 1871—1873 гг. . .	29
К берегам загадочного озера Лоб-Нор. 1876—1877 гг.	38
Снова в Тибет. Третье путешествие по Центральной Азии. 1879—1880 гг.	46
От Кяхты на истоки Желтой реки. Четвертое путешествие по Центральной Азии. 1883—1885 гг.	57
Конец жизни Н. М. Пржевальского. 1888 г.	63
Характер и взгляды Н. М. Пржевальского	72

Георгий Степанович Битюков.

ЖИЗНЬ И ПУТЕШЕСТВИЯ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Редактор *О. К. Машина*
Худ. редактор *Э. Р. Касымов*
Тех. редактор *А. Бейшенов*
Корректор *П. С. Лесничая*

Сдано в набор 20/IV-1963 г. Подписано к печати 21/VIII-1963 г. Д-02548.
Бумага 84×108¹/₃₂ 2,5 физич. печ. л., 4,20 условн. печат. л. 3,64 учет.-изд. л.
Тираж 15000. Заказ № 1920. Цена 11 к.

Типография № 2 г. Фрунзе Полиграфиздата Министерства культуры
Киргизской ССР, проспект Ленина, 409.